

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

КРИСТОФЕР СМИТ

Считайте меня фанатом Кристофера Смита.
Он – гений современной культуры.

Стивен Кинг

ПЯТАЯ АВЕНЮ

Кристофер Смит
Пятая авеню
Серия «Пятая авеню», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8953526
Смит, Кристофер. Пятая авеню: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76651-2

Аннотация

Пятая авеню. Сердце Манхэттена, самая дорогая улица в мире. Здесь обитает бизнес-элита, высшее общество Нью-Йорка. Здесь заключают миллиардные сделки, проводят светские рауты и благотворительные балы, плетут интриги, предают, клеветают, шпионят, убивают. Сегодня у миллиардера Джорджа Редмана праздник: он наконец-то сумел приобрести для своей компании небоскреб на Пятой авеню. Но торжественное открытие омрачает взрыв бомбы, которую кто-то заложил на крыше здания. Редману объявил войну давний враг, твердо решивший разрушить его дело, уничтожить семью и смешать с грязью само его имя. Среди шикарных офисов разворачивается величественная трагедия гибели бизнес-империи...

Содержание

Часть первая	5
Глава 01	5
Глава 02	10
Глава 03	15
Глава 04	17
Глава 05	21
Глава 06	25
Глава 07	29
Глава 08	35
Глава 09	44
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	71
Глава 16	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кристофер Смит

Пятая авеню

Моему отцу Россу Смиту с благодарностью за то, что он всегда находил силы на то, чтобы подтолкнуть меня вперед.

Моей матери Энн Смит с благодарностью за ее горячую поддержку.

А также Констанс Хантинг, которая редактировала эту книгу, не пожалев на это многих лет, но не дожидаясь того дня, когда могла бы увидеть ее опубликованной.

Это наша книга. Я благодарю вас и тоскую по вас.

Christopher Smith

FIFTH AVENUE

© 2010 Christopher Smith

All rights reserved worldwide

© Вейсберг Ю. И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Первая неделя

Глава 01

Июль

Нью-Йорк

Бомбы, заложенные над Пятой авеню, на крыше здания «Редман Интернэйшнл», взорвутся еще только через пять минут.

А сейчас стеклянные стены небоскреба отражают утренний автомобильный поток, непрерывный и плотный, и кажется, что здание само по себе находится в движении.

На установленных посередине фасада лесах несколько мужчин и женщин закрепляли ослепительно– красное бархатное полотнище, которое вскоре закроет собой шестнадцать из семидесяти девяти этажей небоскреба «Редман Интернэйшнл». Выше их, на крыше, бригада осветителей перетаскивали прожектора для установки их в десяти заранее намеченных точках. А внутри здания пятьдесят квалифицированных декораторов были заняты тем, что превращали вестибюль в празднично украшенный зал для приема.

Селина Редман, отвечающая за организацию намеченного торжества, стояла, скрестив руки, перед фасадом здания, окруженная потоком пешеходов, идущих мимо нее по тротуару. Некоторые, подняв головы, рассматривали багряное полотнище; другие, остановившись, с удивлением смотрели на нее. А она старалась не замечать их, пыталась всецело сосредоточиться на работе и стать как бы частью коллектива исполнителей, но это было нелегко: ведь именно сегодня утром и ее лицо, и небоскреб, возле которого она стояла, появились на первых полосах всех ведущих газет Нью-Йорка.

Она обожала здание, перед которым сейчас стояла.

Расположенное на углу Пятой авеню и 49-й улицы, здание компании «Редман Интернэйшнл» являлось результатом тридцатиоднолетнего труда ее отца. Созданная, когда Джорджу Редману было двадцать шесть лет, компания «Редман Интернэйшнл» теперь считалась одной из крупнейших мировых многопрофильных корпораций. В нее входила коммерческая авиакомпания, офисные здания и жилищные комплексы, предприятия текстильной и металлообрабатывающей промышленности, а вскоре в нее войдет и «УэстТекс», крупнейшая в стране судоходная компания. Это здание, стоящее на Пятой авеню, раскрывало перед Джорджем Редманом перспективы на будущее, по всей видимости, столь же яркое и блистательное, как бриллианты, выбранные Селиной для сегодняшнего вечера.

– Прожектора готовы, мисс Редман.

Повернувшись, Селина увидела перед собой Хэла, техника из бригады осветителей.

– Хорошо бы их опробовать.

Мужчина потянулся к чехлу мобильного телефона на ремне. Пока он давал указания людям, работавшим на крыше, Селина, глядя на лист бумаги, прикрепленной к планшету, снова задумалась над тем, как ей вовремя подготовить все, назначенное к вечернему приему.

Нет, разумеется, она справится. Ведь всю жизнь отец учил ее тому, как выполнять работу, которая тебе не по душе. И ее сегодняшняя работа в этом смысле не была для нее в диковинку.

Повернувшись к ней, Хэл утвердительно кивнул:

– Можно начинать, когда скажете.

Сунув под мышку планшет с прищепленным к нему списком дел, Селина посмотрела на крышу. Она подумала, что на таком расстоянии ей даже и не определить, работают ли они вообще. В этот момент щелкнул рубильник и три прожектора из десяти взорвались с ослепительными вспышками.

На мгновение ее словно парализовало.

Тысячи зазубренных осколков стекла, блестя и сверкая на солнце, посыпались на нее.

Она смотрела на огромное облако черного дыма, поднимающееся над зданием.

Языки пламени с ревом взлетали к небу.

Один из взорвавшихся прожекторов, кувыркаясь в воздухе, приближался к земле, как раз к тому месту, где стояла она.

Селина почувствовала, как чья-то рука, вцепившись в плечо, оттащила ее в безопасное место, и через мгновение прожектор, пролетев со свистом совсем рядом за ее спиной, врезался в тротуар и, расколов его бетонные плиты, взметнул в воздух дождь красных огненных искр. На мгновение наступила тишина, после чего сверху начали с оглушительным звуком сыпаться каскады стекла.

Она была прижата к стене здания и, окаменев от страха, смотрела, как поток машин, идущих по Пятой авеню, сворачивает направо, стараясь объехать упавший прожектор, а на проезжей части уже начинается предшествующая пробке неразбериха. Внезапно все стихло, слышался только скрежет, какой бывает, когда металл крушит и давит другой металл, пронзительные звуки автомобильных гудков и испуганные крики пешеходов, раненных упавшим стеклом.

Потрясенная Селина смотрела на Хэла. Он сошел с тротуара на улицу и смотрел вверх, на крышу, крича что-то в поднесенный ко рту мобильник. Лицо его горело. На шее вздулись жилы. Кругом было настолько шумно, что Селина не слышала, что именно он кричал в телефон. Сделав осторожный шаг вперед, ближе к упавшему прожектору, она поняла, о чем он говорил: среди людей, находившихся на крыше, были раненые.

Селина бросилась в вестибюль и, пулей пролетев мимо декоративного водопада, вбежала в лифт, которым пользовался только ее отец.

Здание было очень высоким. Лифт полз вверх слишком медленно. Впрочем, любая скорость была бы для нее сейчас слишком медленной.

Наконец двери распахнулись, и она оказалась на крыше.

Люди кричали и бегали, сталкивались друг с другом. Некоторые неподвижно стояли, скованные страхом, не веря в то, что произошло. Те, кто находился возле взорвавшихся прожекторов, либо молчали, пребывая в шоковом состоянии, либо заходились в крике от боли, причиняемой множеством ожогов.

Пройдя немного вперед, она почти столкнулась с кем-то, молящим о помощи, затем обернулась на пробегавшего мимо человека, и губы ее непроизвольно раскрылись: она поняла, что у него на голове не было волос – они сгорели.

Селина заставила себя сосредоточиться. Она унаследовала от отца силу, и именно она была ей сейчас нужнее всего.

Сквозь дым, окутавший все вокруг черно-грязной завесой, она смогла рассмотреть, что из оставшихся на крыше девяти прожекторов два были охвачены пламенем. Возле них, словно рассерженные змеи, валялись электрические кабели. Марк Ренд, отвечающий за освещение, стоял возле горевших прожекторов, отдавая приказы и пытаясь взять ситуацию

под контроль. Селина подошла к нему, едва держась на ногах. Она не знала, что именно будет делать и может ли вообще хоть чем-то помочь, но понимала, что грош ей цена, если она вообще ничего не предпримет.

Когда она приблизилась, Ренд, указав на один из горящих прожекторов, объяснил:

– Там, за этим прожектором, лежит человек. Когда полыхнуло, он упал на спину и ударился головой о бетон. Сейчас он без сознания.

– И что, никто не может ему помочь?

Марк показал на кучу спутанных проводов.

– Никто не хочет к ним приближаться, – проговорил он. – Это слишком опасно.

– Так отключите ток.

– Не можем, – Марк кивком головы указал на генератор, стоящий на противоположном конце крыши. Генератор все еще работал, хотя и был объят пламенем. – Он может взорваться в любой момент.

Мысли лихорадочно путались в голове Селины. Сквозь завесу дыма она видела молодого человека, лежавшего на животе с раскинутыми в сторону руками. От закругленных в дугу проводов под током до его тела было всего несколько дюймов. Она обвела взглядом крышу в поисках чем ему можно было помочь. Ну хоть что-нибудь...

И она все-таки нашла.

Взяв Марка за руку, она подвела его к стоявшему позади крану.

– Вы поднимали прожектора с помощью этого крана?

– Именно так.

– Тогда с его помощью можно от них и избавиться.

Марк смотрел на прожекторы. Их корпуса были покрыты слоем прочной резины, обеспечивающим предохранение от ударов. К тому же этот защитный слой не проводил электричество.

Он поднялся на кран. Селина, стоя позади, наблюдала, как он пытается совладать с громадным стальным крюком, который резво раскачивался в задымленном воздухе, мелькал в пробивающемся сквозь дымовое облако солнечном луче, чтобы затем через малые доли секунды вновь оказаться над одним из горящих прожекторов. После нескольких неудачных попыток Марку все-таки удалось подцепить крюком верхушку корпуса прожектора. Когда он в конце концов поднял прожектор в воздух, один из кабелей с противным шуршанием соскочил вниз и упал на предплечье лежавшего мужчины, и тот сразу же забился в конвульсиях.

Резким движением Селина прижала обе руки ко рту, подавляя готовый вырваться крик ужаса. Она видела, как голова несчастного мужчины приподнялась, тело затряслось в конвульсиях, а потом выгнулось неестественно устрашающей дугой. Подчиняясь инстинкту, она бросилась вперед и опустилась перед ним на колени, и в этот момент Марк Ренд начал манипуляции с прожектором, зацепленным за крановый крюк.

Сначала он, вцепившись изо всех сил в рычаги управления, стал поднимать прожектор выше, одновременно отводя его в сторону от Селины, но плавно это сделать не получилось: при каждом рывке плохо закрепленный на крюке прожектор подпрыгивал и раскачивался. В один ужасный момент он почувствовал, что сейчас прожектор сорвется с крюка и свалится прямо на девушку. Выпуская клубы черного дыма, прожектор раскачивался не более чем в десяти футах от ее головы, висящие кабели почти касались ее спины. Но постепенно Ренд сумел подчинить себе рычаги управления и отвести прожектор в сторону. Перемещая груз дальше, он вырвал питающие его кабели от генератора. Лампа полыхнула и погасла.

Один из электриков подошел к Селине. Вдвоем они перетащили пострадавшего в безопасное место. Опустившись на колени, девушка снова склонилась над ним. Белое как мел тело молодого человека было влажным от испарины. Взяв его за плечо, она осторожно

потрясла его. Прочитав его имя, вышитое на кармане его джинсовой рабочей куртки, она дважды громко обратилась к нему. Никакого ответа.

Селина в смятении думала о том, что делать. Она прошла курс первой помощи, но это было еще в колледже, и сейчас она лихорадочно вспоминала, что надо делать. Девушка отклонила назад голову потерпевшего, облегчая доступ воздуха, затем, стащив с него рубашку, обнажила грудную клетку, попытавшись определить, движется ли грудь вверх-вниз, как бывает при вдохе и выдохе. Грудная клетка оставалась неподвижной. Она пыталась определить на слух, дышит он или нет, но ухо не уловило никаких звуков. Она накрыла его рот тыльной стороной ладони, но ничего не почувствовала. Положив руку на его шею, она пыталась прощупать пульс – пульса не было. Селина прижалась ухом к его груди. Ничего...

На мгновение ей показалось, что ее собственное сердце не бьется.

Он был мертв.

Не раздумывая, она прижалась ртом к его рту, зажала его нос и сделала два сильных выдоха в его легкие, затем снова проверила пульс. Пульса не было. Она несколько раз сильно нажала на его грудную клетку, старательно припоминая, сколько подобных нажимов рекомендовали делать преподаватели на занятиях по сердечно-легочной реанимации. После двенадцатого она остановилась и снова повторила всю процедуру. Затем проделала все еще раз.

Но человек по-прежнему не подавал признаков жизни.

Стараясь оставаться спокойной, Селина осмотрелась вокруг в надежде найти кого-то, кто ей поможет. Как раз в этот момент экипаж пожарной службы Нью-Йорка с топорами и шлангами в руках появился на крыше. Посмотрев направо, она увидела Марка, вылезавшего из кабины крана. Последний прожектор был оттащен, и теперь он направлялся к ней.

– Что ты творишь? – закричал он. – Ведь ты могла погибнуть...

Слова замерли на его губах, когда он увидел человека, лежавшего рядом с ней.

– Помоги! – крикнула она. – Да шевелись же!

Селина, склонившись над мужчиной, снова принялась давить на грудную клетку и делать сильные выдохи в его легкие.

Все было безрезультатно.

Ее охватил панический страх. Светлые волосы до плеч закрыли лицо, она снова и снова повторяла всю процедуру, понимая, что времени для спасения этого человека остается все меньше.

Но все ее усилия оказывались тщетными. Несмотря на все попытки вернуть потерпевшего к жизни, он лежал неподвижно.

И тогда она прибегла к последнему средству.

Подняв над головой сжатые кулаки, она изо всех сил ударила по его грудной клетке, отчего тот едва заметно дернулся вверх и сделал чуть заметный выдох.

– Дыши! – закричала она.

К ее удивлению, он подчинился. Ресницы его задрожали. Щеки слегка порозовели, он срыгнул и закашлялся, после чего его вырвало. Почувствовав неопишное облегчение, Селина повернула спасенного на бок, чтобы он не подавился рвотой. По его лицу потекли слезы, когда он задышал, набирая полные легкие воздуха. Селина удерживала его на боку, не давая повернуться ни на живот, ни на спину.

– Все нормально, – успокоила его она. – Просто лежи и дыши. Ты в безопасности, все в порядке.

Когда прибыла «Скорая помощь», женщина-фельдшер, подойдя к Селине и опустившись на колени, обтерла следы рвоты с лица пострадавшего и накрыла его рот и нос кислородной маской. Тут же появилась и вторая медсестра, накрывшая пострадавшего одеялом.

Селина стояла рядом и вместе с Марком наблюдала, как мужчина приходит в себя, глубоко вдыхая чистый воздух.

Для него кошмар закончился благополучно.

– Где ты этому научилась? – спросил Марк.

На лице Селины по-прежнему не было ни кровинки.

– У моей соседки по комнате в колледже была сестра, учившаяся на фельдшера. Она и показала нам, что нужно делать при первой помощи, но я и подумать тогда не могла, что это когда-нибудь пригодится. Сердечно-легочная реанимация – это одна из тем, которой она уделила достаточно много времени.

– Вот видишь, и пригодилось, – заметил Ренд.

Они вместе осмотрели передвинутые Марком прожектора. Они уже не горели, однако дым от пожара все еще не развеялся.

– Так почему они взорвались? – спросила Селина.

На этот вопрос вместо Марка ответил подошедший к ним пожарный.

– Я вам сейчас покажу.

Переглядываясь с Марком, они подошли к одному из еще тлеющих прожекторов и увидели человека, извлекающего два обгоревших до черноты провода из уже опустевшей коробки входного электрошита прожектора.

– Видите эти провода?

Они утвердительно кивнули.

– А их здесь быть не должно, – пожарный опустил на колени и жестом пригласил Селину и Марка сделать то же самое. На задней стенке прожектора он указал им на маленькое отверстие, окруженное вмятиной, заметной на ровной поверхности металла. – И этого отверстия тоже не должно было быть.

Селина мысленно связала только что увиденное с тем, что произошло и его последствиями.

– Но это между нами, – предупредил он.

– Конечно.

– Пока ничего не подтверждено, но дело абсолютно ясное. В прожектора были заложены пакеты пластиковой взрывчатки. Когда подали напряжение, эти два провода оказались под током и вызвали взрыв.

– Кто же заложил три пластиковых бомбы в прожектора? – спросила Селина.

– Это предстоит выяснить вам и полиции.

Глава 02

Выйдя из лимузина, остановившегося перед зданием компании «Редман Интернэйшнл», Джордж Редман сразу же оказался в окружении репортеров.

Пробиваясь сквозь толпу, он старался не обращать внимания на камеры и микрофоны, почти касавшиеся его лица. Весь его мир сейчас был впереди, за двойной стеклянной дверью. Он не собирался говорить ни слова, пока не встретится с Селиной, но это не остановило репортеров и не приглушило какофонию их пронзительных голосов.

– Вы не хотите сделать заявление?

– Вы не думаете, что это связано с вашими планами прибраться к рукам «УэстТекс»? С недавним снижением котировок акций «Редман Интернэйшнл»?

– Мистер Редман, кто-нибудь взял на себя ответственность за это?

Джордж пристально посмотрел на репортера, задавшего этот, самый толковый в данной ситуации, вопрос и двинулся сквозь толпу дальше. Кто мог быть ответственным за это?

Селина ждала его за дверью, и, обнимая ее, Редман подумал, что никогда до этого она не казалась ему такой красивой и родной.

– Ты в порядке? – первым делом поинтересовался он.

– В полном, – ответила Селина, отлично знавшая отца, – я действительно в полном порядке.

– Так что все-таки произошло? – спросил он.

Селина подробно рассказала ему обо всем. Когда речь зашла о человеке, который оказался в беспомощном положении за прожектором, она, извиняясь, воздела руки вверх.

– Я пыталась не посвящать прессу в то, что с ним произошло, но это оказалось невозможно. Репортеры пронюхали об этом прежде, чем я смогла хоть что-то предпринять.

– Да не бери в голову, – успокоил ее отец. – Мы в этом не виноваты. Если уж на то пошло, им следовало бы поздравить тебя, ведь ты спасла ему жизнь. Кто еще получил травмы?

Она ответила, что еще несколько человек получили ожоги.

– Да, выходит нам предстоит судебный процесс.

– Совсем не обязательно, – возразила Селина. – Я послала Кейт и Джима из отдела по связям с общественностью поговорить с семьями пострадавших. Если все пойдет так, как надо, то с этого уик-энда все жены пересядут на «Лексусы», а их детям будет оплачено образование в колледжах. Деньги будут лежать на их банковских счетах, а нам предстоит лишь оформить документы, свидетельствующие о том, что каждая семья отказалась от предъявления нам судебных исков.

Что-то привлекло внимание Селины, и она повернула голову в сторону. Джордж проследил за взглядом дочери. На противоположном конце вестибюля трое мужчин в куртках неяркого желтого цвета с двумя крупными собаками на поводках входили в кабину одного из лифтов.

– Бригада саперов, – пояснила Селина. – Они появились сразу после того, как прибыли полицейские и пожарные.

– Интересно, сколько времени они здесь пробудут?

Она посмотрела на часы.

– Здесь все подразделение, – ответила девушка. – Они уже прошли восемнадцать первых этажей. Вместе с ними работают собаки, и я не удивлюсь, если они уйдут отсюда через несколько часов, дав нам возможность подготовить окончательное коммюнике для прессы и закончить последние приготовления к приему.

– Если кто-либо вообще объявится, – заметил Джордж.

– Да они все объявятся, – успокоила она отца. – Хотя бы потому, что каждая пара уже внесла по десять штук баксов. Куда они денутся? А кроме того, ты слышал, чтобы хоть один из приемов, которые устраивает мама, провалился?

Джордж поднял бровь. В этом она была права. Они пошли в бар.

– Так кто же это сделал? – спросила Селина.

– Понятия не имею. Я ломаю голову над этим вопросом с той секунды, когда ты мне позвонила.

– Я уже связалась с компанией, предоставившей нам прожектора, и мне сказали, что перед отправкой все оборудование было проверено. Если это правда, в чем я пока не уверена, тогда единственной версией будет то, что кто-то начинил прожектора взрывчаткой уже здесь.

– Полиция уже допросила бригаду осветителей?

– Сейчас допрашивает. А я вот чего не пойму: почему не были использованы более мощные заряды взрывчатки? Те три прожектора, что взорвались, были начинены слабыми зарядами, способными вызвать лишь незначительные разрушения.

– Я думаю о том же.

– И что надумал?

Джордж пожал плечами.

– Кто знает? Может быть, кому-то не нравится дизайн нашего небоскреба?

Непонятно как, но ее отцу обычно удавалось не терять чувства юмора даже в столь трудных ситуациях, как эта.

– А что слышно об РРК? – спросила она.

– Если раньше они нервничали из-за того, что поддержали нас, то теперь они, должно быть, просто в панике, – ответил Джордж.

Робертс, Ричардс и Кравис – более известные как РРК – были инвестиционной группой¹, нанятой Джорджем, чтобы оказать финансовую помощь при поглощении «УэстТекс Инкорпорэйтэд». Хотя Джордж и сохранил за собой управление, но без 3,75 миллиарда долларов, предоставленных РРК на ведение войны с конкурентами, без их искусства и мастерства, без банков, которые они сделали недоступными для конкурентов, действуя в одиночку, он никак не смог бы завершить этого дела.

– Ничего от них пока не слышал, – проговорил Редман. – Но я уверен, что сегодня вечером услышу. Наверняка для Фрэнка Ричардса это событие будет как нельзя кстати. Он всегда был против поглощения нами этой компании. Если он решит, что кто-то начинил эти злополучные прожектора взрывчаткой для того, чтобы привлечь внимание к падению наших активов или выразить этим свой протест в отношении нашей заинтересованности в присоединении «УэстТекс», он без долгих раздумий выйдет из игры и не вспомнит о других, более удачных делах, которые провернул вместе с нами.

Селина понимала, что отец прав. Существовали и другие банки, и другие инвестиционные группы, способные поучаствовать в этом бизнесе и взять на себя предлагаемые отцом риски, но таким опытом, какой был у РРК, обладали немногие, особенно, когда дело доходило до выкупа в кредит².

– Ты виделась сегодня с сестрой? – спросил Редман. – Твоя мать интересовалась ею. Она рассчитывала на ее помощь в подготовке приема.

– И мама думает, что она на нем не появится? – Селина склонила голову набок. – Лиана, похоже, еще не знает о том, что случилось.

¹ Юридическая форма предпринимательства без образования юридического лица: совокупность лиц, вступивших в соглашение об объединении своих финансовых ресурсов в целях инвестиций в какое-либо коммерческое предприятие.

² Покупка контрольного пакета акций корпорации, финансируемая выпуском новых акций или с помощью кредитов, которые должна погасить сама корпорация (обеспечением служат ее активы).

– Мне надо позвонить твоей матери, – спохватился он. – Я обещал ей позвонить сразу, как только узнаю что-либо. А если ты увидишь Лиану, передай ей, что она нужна матери.

Зная наперед, что не увидится с Лианой до позднего вечера, Селина тем не менее, провожая отца до двери, обещала выполнить его просьбу.

Пресса по-прежнему осаждала вход. Камеры и микрофоны взметнулись вверх.

– Ты можешь воспользоваться боковым входом, – предложила девушка.

– И лишиться их сочувствия как раз в тот момент, когда оно мне так необходимо? Нет, я пойду обычным путем.

С этими словами Джордж скрылся в дверях главного входа и сразу оказался в окружении репортеров. Он ответил, наконец, на те вопросы, на которые мог. Селина проводила его взглядом, прислушиваясь к безумным выкрикам из толпы, а затем, отойдя от двери, занялась делами – к приему предстояло сделать еще очень многое.

Когда Лиана Редман покинула Вашингтон-сквер³, солнце уже начало заходить за неровно-зубчатый манхэттенский горизонт.

Она сидела в парке с утра, читая последний выпуск «Вог», разговаривая со знакомыми людьми и внимательно наблюдая за незнакомыми.

Сейчас пройдя мимо большого выключенного фонтана и очутившись рядом с белой аркой, она увидела множество детей, игравших с родителями, и невольно замедлила шаг, глядя, как отец крутит в воздухе свою малышку-дочь. Она продолжила путь, не заметив, что ее фотографируют.

Уже наступал вечер, но пропитанный ароматом цветов воздух был еще теплым, и девушка была рада, что, направляясь в парк, надела шорты и футболку. У двадцатипятилетней Лианы Редман была длинная густая копна черных вьющихся волос, доставшаяся от отца. Хотя она и не считалась красавицей, как ее старшая сестра, в ней было что-то, что делало ее заметной и притягивало взгляды.

Оставив парк за спиной, она двинулась по Пятой авеню. Тротуары были сплошь заполнены людьми. Пятеро подростков на скейтбордах, с визгом и криком лавируя в толпе, пронесли мимо Лианы, превращаясь в красные, белые и нежно-зеленые пятна.

Девушка, подставив лицо теплему ветру, пыталась представить себе, что будет делать и как себя вести на сегодняшнем приеме. Поначалу она решила не ходить, но мать, угадав мысли дочери, настояла на ее присутствии.

– Отцу нужна твоя поддержка.

Услышав это, Лиана едва не рассмеялась. Прежде Джордж Редман никогда не нуждался в ее поддержке.

Четыре часа назад ей надо было встретиться с Элизабет в их поместье в Коннектикуте, чтобы помочь ей завершить последние приготовления к приему. Лиана не могла понять, почему матери вдруг так потребовалась ее помощь – ведь им обеим было хорошо известно, что Селина, как всегда, позаботится обо всем.

Лиана остановилась в конце небольшой очереди у газетного лотка. Рядом с ней встал какой-то мужчина. Не поворачивая головы, Лиана искоса посмотрела на него. Высокий и смуглый, с худым угловатым лицом, он был одет в теплую не по сезону черную кожаную куртку, плотно обтягивающую его широкую грудь; с его шеи свешивалась сложная и дорогая 35-миллиметровая камера.

Лиане показалось, что она видела его и раньше.

³ Вашингтон-сквер – площадь, от которой начинается Пятая авеню в Южном Манхэттене. Участки площади, засаженные деревьями, известны как парк «Вашингтон-сквер».

Подошла ее очередь. Не обращая внимания на большинство газет и журналов, на первых полосах и обложках которых красовались ее отец, Селина и новое здание, она попросила у продавца свежий номер журнала «Интервью». Заплатив, она сунула журнал в ярко раскрашенную и непомерно большую сумку, висевшую на ремне у нее на плече.

Снова взглянув на мужчину в черной кожаной куртке, она заметила, что он по-прежнему пристально смотрит на нее, и пошла дальше по Пятой авеню, обдумывая, почему он, не купив ничего в газетном киоске, теперь снова за ней идет. Так продолжалось до того, пока в одной из витрин она, увидев его отражение, не поняла, что он снова ее фотографирует.

Лиана обернулась, намереваясь спросить, на какую газету он работает, но вдруг заметила между лапами его черной кожаной куртки рукоятку револьвера, заткнутого за поясной ремень.

В испуге она посмотрела на лицо мужчины. В этот момент он как раз опустил камеру. Когда он улыбнулся ей, она его узнала. Раньше в это утро в парке он сидел на соседней с нею скамье. Лиана тогда подумала, что он за ней наблюдает. Теперь она в этом уже не сомневалась.

– Вечером, – обратился к ней мужчина, – когда я проявлю эти пленки и напечатаю фотографии, то повешу их на стену у себя над кроватью. Вместе с остальными, – незнакомец улыбнулся еще шире, обнажив ровные белые зубы. – А скоро, Лиана, я хочу заблаговременно предупредить вас об этом, я намерен привести вас к себе домой и лично показать вам все эти снимки.

Она отвернулась от него так резко, что журнал, выпав из ее сумки, упал на тротуар. Ветер тут же принялся перелистывать страницы. В стоящем чуть впереди такси водитель отсчитывал пассажиру сдачу.

Лиана бросилась к машине. Мужчина последовал за ней.

– Подождите! – закричала она, но автомобиль уже отъехал. Быстро посмотрев через плечо, она убедилась, что мужчина по-прежнему рядом. Блестящая рукоятка револьвера была ясно заметна в прямых солнечных лучах. Лиана собиралась уже позвать на помощь, но тут подошло другое такси. Не помня себя, она бросилась к машине, сердце ее бешено колотилось, она влетела в салон, едва его покинула пожилая пара пассажиров.

Захлопнув дверцу, она нажала кнопку замка, буквально на секунду опередив мужчину, схватившегося за ручку двери и потянувшего ее на себя. На его лице, находившемся всего в нескольких дюймах от стекла, было выражение бешенства, словно его только что надули, не выдав положенный приз. Он шлепнул ладонью по стеклу, и Лиана в ужасе отпрянула в глубь салона.

Машина не трогалась с места. Взглянув на водителя, Лиана поняла, что он ждет разрыва в потоке машин, чтобы влиться в него.

– У него пистолет! – закричала она. – Поезжайте быстрее!

Таксист посмотрел на мужчину, на его злобное лицо, нажал на газ и, встречая в узкие просветы между машинами, чудом избегая аварии, поехал в направлении Вашингтон-сквер.

Лиана, обернувшись, посмотрела в заднее стекло. Мужчина все еще стоял на тротуаре, фотокамера висела у него на шее, руки были опущены вдоль тела.

– Я ведь не знал, что у вас неприятности, – извиняющимся голосом произнес таксист. – Вы в порядке? Может, мне отвезти вас в полицию?

Она уже думала об этом, но решила пока этого не делать.

– Когда мы повернем за угол, его уже не будет на месте, – девушка откинулась на протертое виниловое сиденье. – Я выйду на пересечении Пятой авеню и 49-й улицы, у нового здания компании «Редман Интернэйшнл». Там я оставила машину.

– Вряд ли вы ее там найдете.

– Это что еще значит?

– Шутите?

– Я не понимаю, о чем речь.

– Неужели никого уже больше не интересуют новости? – медленно произнес таксист. – Сегодня утром на крыше этого здания взорвались три бомбы.

Лиана побледнела. Отец и сестра находились там сегодня, готовясь к вечернему приему.

– Есть пострадавшие?

– Несколько человек. Один парень умер бы, не будь рядом Селины Редман. Она спасла ему жизнь.

Лиана стиснула зубы.

– Каким образом?

– Быстро оказала ему первую помощь, так сообщил по радио репортер. Она просто героиня.

– Да она просто поганая сука и больше ничего.

Остановившись под красным светом, таксист посмотрел на нее в зеркало заднего вида, неуверенный в том, что правильно расслышал ее слова.

– А вы что, знакомы с семейством Редман?

Лиана снова задумалась над тем, почему безопасность ее семьи так сильно ее тревожит. После столь долгого времени, в течение которого родители попросту ее не замечали и для них существовала лишь Селина, какие еще чувства, кроме презрения, она могла к ним испытывать?

– Нет, – ответила она. – Я их совсем не знаю.

Глава 03

Высоко над Пятой авеню Луис Райан сидел в своем угловом офисе, спиной к окнам, занимавшим большую часть стены, спиной к новому зданию компании «Редман Интернэйшнл», возвышавшемуся невдалеке от его офиса.

Он расположился за письменным столом, не отрывая пристального взгляда от матовых букв, вытравленных на покрывающем его стекле: «Манхэттен Энтерпрайзис». Эту компанию он создал тридцать один год назад, и сейчас она была одной из ведущих мировых многопрофильных корпораций.

И только компания Редмана превосходила ее.

С утра этого дня началась его война против Джорджа Редмана: Лиана Редман была напугана, прожектора взорвались – все шло согласно тщательно разработанному плану. А теперь вот-вот должно было начаться торжество по случаю открытия нового небоскреба «Редман Интернэйшнл».

Луис посмотрел на Пятую авеню, в ту сторону, где толпа бурлила возле застеленного красным ковром входа в «Редман Интернэйшнл». Глядя на репортеров и поток лимузинов, ползущий по авеню, можно было подумать, что все влиятельные и обладающие властью в этом мире господа и дамы пришли, чтобы поддержать Джорджа Редмана. Мысль о том, что Луис вел дела со многими из этих мужчин и женщин, вызвала у него чувство отвращения и заставила отвернуться от окна.

Подняв глаза от стола, он посмотрел на черно-белую фотографию своей жены.

Помещенный в тяжелую серебряную раму, снимок уже выцвел за все те годы, что прошли после смерти Энн, но ее красота, в отличие от фотобумаги, не увяла.

Луис внимательно смотрел на ее лицо и мысленно переносился в прошлое, в те несколько лет, прожитых вместе. Она была его первой любовью, его опорой и самым лучшим другом. Она оставила о себе самые лучшие воспоминания. Она подарила ему сына. Между ним и Майклом было немало различий, но всякий раз, когда Луис встречался с ним, он находил в лице сына знакомые черты своей любимой Энн.

Жену украл у него Джордж Редман.

Луис думал обо всем, что выпало на долю Редмана. Но теперь время пришло. Наконец-то Джордж Редман перестал быть неуязвимым. Когда умерла Энн, Луис поклялся, что он и Майкл заставят Редмана заплатить сполна за все, что он с ней сделал. Он поклялся покончить с Джорджем Редманом, с его семьей, с его империей. Он заставит их сполна испытать и прочувствовать всю ту боль, которая не отпускала его все эти годы.

Он посмотрел на первую страницу «Уолл-стрит джорнал». Заголовок на всю ширину страницы гласил: «АКЦИИ РЕДМАНА УПАЛИ НА ДВАДЦАТЬ ТРИ ПУНКТА. НАМЕЧАЕМОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ «УЭСТТЕКС» ЗАСТАВЛЯЕТ АКЦИОНЕРОВ НЕРВНИЧАТЬ».

«Вот ведь бедняжки», – подумал Луис.

Он открыл ящик письменного стола и, порывшись в нем, извлек последний номер журнала «Пипл». На обложке был его сын, Майкл Арчер, кинозвезда и писатель, чьи романы становились бестселлерами. Даже сейчас, когда Майкл повзрослел, в нем ясно прослеживались черты, унаследованные от матери, – от темных волос до голубых, цвета кобальта, глаз. При этом на отца Майкл был не похож ни капли.

Изучая лицо сына, Луис раздумывал над тем, как повел бы себя Майкл, узнай он о том, что Джордж Редман убил его мать. Ведь когда это случилось, ему было всего три года. Ради того, чтобы уберечь сына от той боли и злости, которые будоражили его, Луис, растя и воспитывая Майкла, внушал ему, что смерть матери произошла в результате несчастного случая. Но вместо того, чтобы сблизить их, эта трагедия, наоборот, развела их и отдала

друг от друга: чтобы обеспечить их будущее, Луису пришлось посвящать все свое время «Манхэттен Энтерпрайзис».

Они никогда не были близки. Фактически Луис до последней недели не видел Майкла и не получал от него вестей уже шестнадцать лет.

«И все это из-за проклятого Джорджа Редмана», – думал он. Отложив журнал, бизнесмен снова стал смотреть, как лимузины медленно движутся по улице. Он гадал, в каком из них может сидеть его сын. На прошлой неделе, когда Майкл неожиданно нагрянул в его офис, Луиса поразила произошедшая в нем перемена. В жизни Майкл казался старше, чем на экране. С годами его взгляд стал более твердым, утратив прежнюю доверчивость и наивность. Видно, что борьба, которую ему надо было вести в Голливуде, пошла ему на пользу и многому научила. Возможно, он, наконец-то, стал взрослым.

Но на самом деле взрослым-то он и не стал...

Майкл жаловался на свое затруднительное положение и говорил, что его жизнь в опасности, а Луис слушал его, и в его сознании закипала та самая смесь стыда и злости, которую он чувствовал, когда восемнадцатилетний Майкл отправился в Голливуд. Даже сейчас, слушая сына, просящего о помощи, он чувствовал то же, что и тогда. Даже сейчас он видел удивление на лице Майкла, когда сказал ему, что окажет ему необходимую помощь только в том случае, если он пойдет на открытие «Редман Интернэйшнл» и встретится там с Лианой Редман.

Сидя в отцовском лимузине пепельно-серого цвета, Майкл Арчер смотрел сквозь тонированное стекло на сверкающий огнями силуэт Нью-Йорка и думал, что предпочел бы оказаться в любом другом месте, только не там, куда он ехал.

Возвращение не принесло ему радости. То, что его здесь ждало, вызывало лишь отвращение. В свое время он покинул это место и ни разу не оглянулся, не вспомнил прошлого, до того момента, когда несколько недель назад у него не осталось иного выбора.

Все, что он видел вокруг, принадлежало его отцу, начиная от устрашающего офисного здания и жилых комплексов на Пятой авеню до роскошных отелей на Парк-авеню и Мэдисон-авеню, мимо которых он только что проехал. Никто даже и не знал, что он сын Луиса, но постоянная мысль о том, что отцовское «я» расплзлось, подобно эпидемии, по всему городу, вызывала у него жгучий стыд.

Ну разве это не ирония, мысленно рассуждал он, что сейчас его снова заталкивают в ту жизнь, от которой он когда-то сбежал. Но еще большая ирония была в том, что помочь ему не мог никто, кроме отца.

Рядом с ним на сиденье лежал светло-коричневый конверт, который Луис дал ему этим вечером. Протянув руку и взяв конверт, Майкл включил над головой лампу и вынул из конверта несколько фотографий Лианы Редман.

Большинство снимков запечатлели ее читающей на Вашингтон-сквер, на нескольких фотографиях она стояла в очереди к газетному лотку. На остальных Лиана была сфотографирована бегущей по тротуару, чтобы поймать такси.

Майкл изучал ее лицо и гадал, в какую историю вовлекает его отец. Почему его встреча с Лианой Редман для него так важна? И почему Луис отказался дать деньги, столь необходимые ему сейчас, если он с ней не встретится?

Лимузин, встроившись в «зеленую волну», покотил дальше по Пятой авеню. Майкл увидел яркий, жизнерадостный свет прожекторов, направленных на здание «Редман Интернэйшнл» и освещающих красную ленту пронзительными яркими лучами.

Он отложил конверт с фотографиями в сторону. Сейчас ему необходимо делать то, что велел отец.

После недавней смертельной угрозы у него едва ли был выбор.

Глава 04

Возбуждение в вестибюле нарастало.

Стоя возле сверкающего водопада, Винсент Спокатти наблюдал, как повсюду, куда ни глянь, суетятся люди.

Под присмотром Элизабет Редман девушки, одетые в одинаковую униформу, проверяли сервировку мест за столом, полировали все украшавшие вестибюль сверкающие предметы и в который раз поправляли невероятных размеров цветочные композиции, стоявшие на каждом из двухсот столов, рассчитанных на восемь персон каждый. Бармены в черных смокингах пополняли запасы бокалов, бутылок и льда. Позади них тридцать четыре музыканта поудобнее рассаживались на стульях, готовясь к предстоящему нелегкому вечеру.

Помня о взорвавшихся ранее бомбах, Спокатти был поражен тем, что все происходило четко и слаженно, словно по нотам. Он понимал, что это заслуга Элизабет Редман и ее дочери Селины.

Элизабет шла через вестибюль к бару. Винсент сосредоточенно наблюдал за ней. Элизабет Редман, как и ее дочь Селина, была высокой и стройной. Белокурые волосы спадали ей на плечи, обрамляя овал лица, при взгляде на которое сразу становилось понятно, что эта женщина обладает умом и чувством юмора. Бриллианты на ее шее, на запястьях и в ушах были дорогими и изысканными, но не вульгарно-кричащими. Она знала, что представляют собой люди, приглашенные ею на торжество; она знала, как следует обходиться с ними. И это было заметно с первого взгляда.

Когда она проходила мимо, Спокатти, повернув голову вправо, быстро осмотрел свое отражение в громадной зеркальной колонне. То место на его черном смокинге, под которым находился грудной карман, а в нем револьвер, слегка оттопыривалось, но Спокатти это не сильно беспокоило. Он был телохранителем, и его наняли на сегодняшний вечер для того, чтобы охранять Джорджа Редмана, его семью и их гостей от возможного вторжения нежелательных визитеров. Думая об иронии этой ситуации, Спокатти едва удерживался от смеха.

Он присмотрелся к своему окружению. Практически все было пущено на самотек, хотя безопасность требует строгого соблюдения правил и четкого выполнения приказов. После сегодняшнего взрыва бомб Джордж Редман нанял двадцать пять человек для того, чтобы они стояли на часах в течение всего сегодняшнего торжества, но – в чем Спокатти был практически уверен – все они не были профессионалами, а скорее любителями, что было ему только на руку.

Он не сомневался, что незаметное проникновение в один из лифтов и добыча информации, касающейся поглощения «УэстТекс Инкорпорэйтэд», так необходимой Луису Райану, должны пройти без каких-либо проблем.

Элизабет Редман снова шла через вестибюль, на этот раз по направлению к нему. Она не подчеркивала этого, но держала себя так, что было ясно: эта дама в полной мере осознает, какой властью она обладает в этом городе.

Она подошла к нему с улыбкой на лице и протянула руку.

– Я Элизабет Редман, – представилась она.

Ее рукопожатие было твердым.

– Антонио Бенедетти.

– Мне всегда очень нравились итальянцы.

Забавно, подумал он и спросил:

– Что я могу сделать для вас, миссис Редман?

– Да ничего особенного, – ответила она. – Просто следите, чтобы ни одна бомба не взорвалась здесь во время сегодняшнего торжества, только и всего. Вы можете справиться с этим?

– Конечно.

Элизабет подняла голову. Во взгляде ее глаз, смотревших на него, появилась твердость.

– Пожалуй, – сказала она, но, повернувшись к другим охранникам, добавила: – Но вот в отношении других ваших коллег у меня нет уверенности.

– Да и у меня тоже.

– Вы думаете, они не способны защитить нас?

– Честно говоря, нет.

– Но ведь все они люди с опытом, – возразила она.

– Возможно, это так, но кто их обучал? Я наблюдаю за ними уже несколько часов, и за это время они сделали массу ошибок. Они не профессионалы.

– А вы профессионал?

– Я – да.

Раздался глубокий звук бас-гитары – музыкант, сидевший позади них, перебирал струны. Посмотрев на Спокатти, Элизабет сказала:

– Мистер Бенедетти, сегодня утром три бомбы взорвались на крыше этого здания. Несколько человек были ранены, моя дочь едва не погибла. Очевидно, что сегодня вечером может произойти что-нибудь еще – скорее всего, произойдет. Поскольку наша охрана состоит сплошь из непрофессионалов, ситуация, похоже, вынуждает вас организовать работу на свой лад. Я надеюсь, что все пройдет хорошо.

Спокатти смотрел ей вслед, едва сдерживая смех.

Джордж и Селина прибыли за десять минут до прихода гостей.

Выйдя из личного лифта, они разошлись по разным сторонам. Спокатти наблюдал за Селиной. Она показалась ему просто великолепной в своем красном платье с блестками. Ее походка была твердой и решительной – она двигалась с такой же уверенностью, как и мать. Элизабет разговаривала с четырьмя охранниками, стоявшими у накрытого балдахинном входа. Селина, подойдя к ним, положила руку на спину матери, затем, приблизившись к одному из охранников, вырвала у него из руки сигарету, бросила ее в стоявшую рядом пепельницу и, повернув его лицом к окну, указала на улицу.

Да, эта женщина была что надо. И не только потому, что этим утром она спасла жизнь человека, а еще и потому, что она все время следила за тем, чтобы охрана постоянно была начеку, дабы никто не пострадал в этот вечер.

Даже жаль, что ее придется убить.

Джордж Редман был, что называется, в своей тарелке. Расхаживая по вестибюлю, он с гордостью посматривал на столы, на цветы, на украшение всего помещения. От Луиса Райана Спокатти знал, что стать собственником этого здания на Пятой авеню всегда было заветной мечтой Редмана. Он знал, каких трудов это ему стоило и как счастлив он был, когда здание в конце концов перешло в его собственность.

Спокатти посмотрел на часы. Увы, но твоим это здание будет оставаться очень недолго.

Оркестр за его спиной заиграл «Мое голубое небо». Спокатти окинул взглядом помещение и, посмотрев в окно, увидел, что первые гости уже выходят из лимузинов.

Прием начинался. Джордж, Элизабет и Селина находились у входа, принимая приветствия, объятия и поздравления. Они были поглощены этим, а Спокатти, проскользнув за водопадом, пробрался в один из лифтов, и тут до него вдруг дошло, что младшей дочери в зале не было.

Отверженная, промелькнуло у него в голове, куда-то пропала.

Двери лифта с тихим шипением закрылись у него за спиной.

Сунув руку в карман смокинга, Спокатти достал ключ-карту, которую дал ему Райан. Он всунул ее в освещенную щель на светящемся пульте управления, набрал на панели пульта заученный накануне восьмизначный код и стал ждать.

Некоторое время все оставалось без изменений. Затем механический голос объявил: «Разрешение получено, мистер Коллинз. Пожалуйста, выберите этаж». Значит, того, кто продался Райану, зовут Коллинз, подумал Спокатти, и нажал на кнопку с числом 76.

Лифт начал подъем.

Спокатти вынул карточку из щели и достал пистолет. Когда перед тем, как остановиться, кабина начала замедлять ход, он отступил к стенке. Двери раздвинулись. Напрягаясь и прислушиваясь, он выглянул из кабины и, не увидев никого, с облегчением вздохнул.

Вот теперь начнется настоящая работа.

Длинный коридор был обставлен хорошо и со вкусом. На стенах, отделанных панелями цвета слоновой кости, висели картины старых мастеров. Дверь, ведущая из коридора в зал, была фанерована красным деревом, паркетный пол блестел, словно его только что натерли. Стоявшая на изящном, придвинутом вплотную к стене столике лампа в стиле Тиффани отбрасывала радуги на янтарные стены.

Спокатти прислонился к задней стенке кабины лифта. Любой другой, оказавшийся сейчас на его месте, не увидел бы перед собой ничего, кроме богато обставленного коридора. Для него это была полоса препятствий.

Он вынул из кобуры пистолет и, достав из кармана смокинга изящные очки с инфракрасными стеклами, надел их. Все вокруг сразу же предстало перед ним в зловещем красном свете. Спокатти не увидел в коридоре ни одной видеокамеры, но это не означало, что их там не было. Картины могли послужить для них ширмой. Надо было рискнуть.

Он снова посмотрел в коридор. Прямо перед лифтом он заметил тонкую полоску света, которая, если бы не очки, оставалась невидимой. Осторожно ступая, он переступил через нее, понимая, что, если бы случайно прервал этот лучик, датчик мгновенно уловил бы разницу температур, но сам он не услышал бы сигнала тревоги – его бы услышала полиция.

Он двинулся вперед. Проходить сквозь густую паутину световых лучей становилось все труднее, по мере того, как он приближался к двери, за которой находился главный компьютерный центр компании «Редман Интернэйшнл». Один участок коридора ему пришлось преодолевать ползком, вжавшись животом в пол, а встав на ноги, он должен был сделать два прыжка, да еще и наклонившись. Я вполне мог привести в действие сигнализацию, так и не заметив этого, подумал он. Это была тревожная мысль.

И вот он добрался до двери. Спокатти знал, что она была защищена стальным листом толщиной, по крайней мере, в три дюйма. Райан сообщил ему, что внизу двери должна быть небольшая клавиатура. После введения шестизначного кода дверь не только откроется, но и выключит всю охранную систему.

Он опустился на колени, нашел клавиатуру и увидел, что она защищена множеством перекрещивающихся световых лучей. Спокатти шепотом выругался и снова посмотрел на часы. Прошло десять минут. А убраться отсюда он должен будет через тридцать.

Спокатти внимательно осмотрел скрещение лучей над клавиатурой. Идущие под разными углами с потолка до пола, они формировали своего рода решетку, такую частую, что его палец наверняка перерезал бы хоть один из них, попытайся он просунуть его в крошечный промежуток между лучами. Ему нужно было что-то длинное и тонкое, что могло бы пройти через ячейку этой световой сетки и набрать на панели код. Вполне подошел бы карандаш. Или ручка. Но ни того ни другого у него не было. Лихорадочно ища выход, он огляделся по сторонам, но не заметил ничего, что могло бы ему помочь. Это буквально привело его в бешенство. Ведь он почти у цели.

Внезапно его осенило. Способ решения проблемы уже возник в его голове.

Он снял очки и посмотрел на дужки, отходящие от зеленой оправы. Они были длинными, тонкими и с закругленными концами. Такая дужка отлично пройдет через мелкую ячейку световой сетки. Он отломил одну из дужек. Придерживая одной рукой очки, он второй рукой осторожно приступил к делу.

Через несколько секунд все было сделано. Он ввел код, данный ему Райаном, инфракрасные световые лучи погасли, и дверь, ведущая в компьютерный зал, распахнулась перед ним.

Вытащив револьвер, Спокатти встал с колен. Он быстро обвел взглядом помещение, опасаясь, что в нем тоже могут быть установлены устройства слежения, но не обнаружил ничего, кроме множества компьютеров.

Он подошел к ним, зная, что в тот момент, когда он включит хоть один из них, начнутся неприятности. Когда экран засветился и компьютер ожил, он заметил на системном блоке освещенную щель, почти такую же, как на панели управления лифтом. Затем на экране появилось сообщение: **ПОЖАЛУЙСТА, ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ КАРТОЙ ДОПУСКА.**

Райан дал ему всего одну закодированную на компьютере карту, которой он воспользовался в лифте. Он достал ее из кармана смокинга, провел ею по щели и стал ждать. Экран почернел, и через мгновение на нем появилось новое сообщение: **ДОПУСК ЗАПРЕЩЕН.**

Вот и все – Райан подставил его, не дав нужную карту. Спокатти с трудом притушил вспыхнувшую в нем злобу. Он мог бы взломать защитную систему, но на это уже не было времени. Он выключил компьютер и снова осмотрел помещение. Шкафов и стеллажей в ней не было, были лишь письменные столы с закрытыми ящиками, в которых Редман не стал бы хранить ничего важного. В этом он был уверен. Спокатти понимал, что все нужное ему находится в этих компьютерах... или в сейфе в офисе Редмана.

Он снова посмотрел на часы. У него оставалось еще двадцать минут до возвращения в вестибюль. Райан сказал ему, что офис Редмана расположен на третьем этаже его трехэтажной квартиры.

Если он поспешит...

Глава 05

В трехуровневой квартире своих родителей, расположенной высоко над офисами компании «Редман Интернэйшнл», у окна в конце длинного коридора стояла Лиана Редман. Она смотрела вниз на бесконечный поток машин, идущих по Пятой авеню.

Ей надо было быть на приеме еще тридцать минут назад. Ее родители придут в ярость, а пресса будет теряться в догадках по поводу ее отсутствия, но именно этого Лиана и хотела. У нее не было ни малейшего желания принимать участие в этом торжестве, однако девушка понимала, что прийти на него ей все-таки придется. Если ее там не будет, родители попросту отрекутся от нее.

Но прежде, чем идти на прием, она решила выпить.

Войдя в библиотеку, она нагнулась к маленькому холодильнику, доступом в который обладала только она, и достала бутылку шампанского. Наполнив бокал, Лиана вдруг снова задумалась о том мужчине, который сегодня днем преследовал ее. Возможно, она тогда поступила неправильно, не обратившись в полицию. Определенно это была ошибка.

Девушка направилась к письменному столу отца, включила лампу с зеленым абажуром и села. На столе стояло несколько семейных фотографий в рамках. Лиана выбрала ту, где она была снята с Селиной, когда они были еще детьми. Лиане было семь, а Селине одиннадцать лет. Глядя на фото, она удивлялась, насколько счастливыми они на нем выглядели. Девочки, держась за руки, отдыхали, сидя на лугу, позади их дома в Коннектикуте. На них были огромные соломенные шляпы, тень от которых падала на лица. Позади детей стояла смеющаяся Элизабет, ее белокурые волосы сверкали на солнце.

Она стала вспоминать, когда ее чувства к Селине изменились. Ответ нашелся сразу: когда отец начал брать ее с собой в компанию «Редман Интернэйшнл».

Лиана очень задерживалась. Неважно, насколько сильно ей не хочется идти на этот прием – быть там она должна. Положив фотографию на стол лицевой стороной вниз, она выключила свет и пошла к бару. Нагнувшись, чтобы поставить бутылку обратно в холодильник, она уловила отражение в оконном стекле. Кроме нее в стекле отражался и еще кто-то. Дверь, ведущая в библиотеку, открывалась.

Она почувствовала, что начинается нечто непонятное, и повернулась. Дверь была уже полностью открыта. Полоса света из библиотеки проникала в комнату. Девушка была готова спросить, кто там находится, но тут увидела внутри какого-то мужчину. Он не видел ее – Лиана была в противоположном, затененном конце комнаты.

Человек стоял в дверном проеме, прислушиваясь, осматриваясь и, по всей вероятности, обдумывая свои намерения. В его левой руке было зажато что-то блестящее, и, приглядевшись, Лиана увидела, что это пистолет.

Она стояла неподвижно, словно окаменевшая, едва дыша. Он походил на человека, преследовавшего ее днем, хотя полностью уверена в этом она не была...

Панический страх становился все сильнее. Девушка отступила глубже в тень и задумалась, каким образом он оказался здесь, не имея карты допуска в лифт. Она видела, как он вошел в комнату. Вернее, он не вошел, а осторожно, словно кот, прокрался в нее. Его взгляд становился все более пристальным по мере приближения к отцовскому столу.

Он не должен ее заметить.

Книжный шкаф в конце бара стоял от стены примерно на два фута. С одной стороны был небольшой проход, куда она могла спрятаться. Выждав момент, когда мужчина не смотрел в ее сторону, Лиана придвинулась ближе к проходу. При движении ее платье зашелестело. Мужчина, услышав это, резко повернулся на каблуках и прицелился. Лиана похолодела. Их взгляды встретились.

– Кто вы, черт возьми? – выкрикнула она.

Мужчина отошел от письменного стола отца и опустил пистолет. После краткого молчания он произнес:

– Так вот вы где.

Его ответ захватил Лиану врасплох. Мужчина убрал пистолет в кобуру, делая вид, что не замечает ее страха.

– Я спрашиваю, кто вы такой?

– Антонио Бенедетти, – ответил он. – Из группы охранников.

Он сделал шаг вперед, и она поняла, что это не тот мужчина, который преследовал ее днем, но внешнее сходство между ними было. Сердце ее бешено колотилось.

– Что вы здесь делаете?

– Ищу вас, – ответил он. – Вы опаздываете на прием. Ваши родители просили меня пойти и разыскать вас.

– И для этого вам потребовался пистолет?

– Мисс Редман, – со вздохом произнес он, – после того, что произошло здесь утром, каждый из охранников имеет при себе оружие.

Она не сводила с его лица изучающего взгляда. Он был высоким, темноволосым, черты его лица были четкими и привлекательными. В нем чувствовалась какая-то холодность, которую Лиана, однако, находила привлекательной. Она вздохнула, когда охранник, подойдя к двери, раскрыл ее перед ней.

– Ваша мать в бешенстве, – предупредил он. – Если вы сейчас же не появитесь в вестибюле, она, вероятнее всего, меня уволит. Так вы идете?

Лиана, чуть поколебавшись, направилась к раскрытой двери. Проходя мимо мужчины, она заметила:

– Моя сестра сегодня спасла человеческую жизнь. А самое большее, что могу сделать я, это спасти вас от увольнения. Пойдемте.

Лифт шел вниз, казалось, со скоростью брошенного камня.

Когда они спускались, Лиана смотрела на бежавшие на световом табло цифры пролетающих мимо этажей. Она вслушивалась в нарастающий гул толпы, ее ступни ощущали ритм музыки, исполняемой оркестром, и это ее нервировало. Она всегда чувствовала себя лишней в подобных ситуациях. Из всех присутствующих она знала всего несколько человек. Это был мир ее родителей и сестры, но не ее. Так зачем же ей велели прийти?

Взглянув на стоявшего рядом с ней мужчину, она заметила, что он не сводит с нее взгляда. И снова она подумала, что он симпатичный. Лиана скосила глаза на его левую руку – кольца на ней не было. Это вполне ее удовлетворило, но жизнь научила ее тому, что отсутствие кольца еще ничего не значит.

– Как вы думаете, какие шансы, что сегодня ночью будут еще взрывы? – спросила она. Вопрос его не смутил и не обеспокоил.

– Меньше нуля, – не раздумывая ответил он.

– Да бросьте, – усмехнулась Лиана. – Думаете, мой отец задумал еще что-нибудь, чтобы привлечь к себе внимание всего мира? Может быть, снайпер? Или пожар?

Он, склонив голову, посмотрел на нее.

– Вы думаете, это ваш отец начинил прожектора взрывчаткой?

– Меня бы это не удивило.

– Но ведь пострадали люди, ваша сестра едва не погибла.

– *Quelle dommage*⁴.

⁴ Какая жалость (*фр.*).

– Признаться, я вас не совсем понимаю. Думаете, ваш отец способен на такой нелепый поступок? Какой в этом смысл?

– В бесплатной рекламе, мистер Бенедетти, очень много смысла.

Прислонившись к стенке кабины, он смотрел на нее изучающим взглядом.

– Вы ведь и сами не верите в то, что говорите, верно?

Глаза Лианы вспыхнули.

– Это неважно, – с жаром произнесла она. – Всегда бывает интересно видеть, во что поверят другие люди.

Кабина притормозила перед тем, как остановиться. Двери раскрылись, и их обдали волны прохладного воздуха, музыки и шума. Лиана, не замеченная никем, некоторое время стояла, всматриваясь в переполненный гостями зал. Она не видела никого из своих друзей, зато, куда бы она ни смотрела, она везде замечала что-либо связанное с ее сестрой. От водопада, расположенного справа от нее, до хрустальных канделябров работы Лалика⁵, сиявших над ее головой, – влияние Селины ясно чувствовалось повсюду.

Однажды, когда «Редман Интернэйшнл» почти уже сформировалась, Лиана спросила отца, можно ли ей помочь оформить вестибюль. Джордж отмахнулся от нее, сказав, что это работа для профессионалов. Он так никогда и не узнал, какую боль он причинил дочери, решив, что оформлением вестибюля займется Селина. Джордж только впоследствии обратил внимание на то, как разозлилась Лиана, но отнес это на счет ее плохого настроения.

Они вышли из лифта.

– А знаете, – сказал Бенедетти, – мне было приятно с вами поговорить.

– Мне тоже, – ответила Лиана. – Следите во все глаза за снайперами. Ведь никогда не знаешь, когда один из них пальнет.

Лиана смотрела, как он пробирался в толпе, и в это время заметила несколько знакомых лиц среди безбрежного моря голов. Увидев родителей и сестру, она поняла, что они все еще заняты встречей гостей – Джордж смеялся, Элизабет оживленно и приветливо говорила с ними, Селина обнимала близко знакомых людей.

Лиана почувствовала приступ тошноты.

Она двинулась к ним, взгляд ее останавливался то на Джордже, то на Элизабет, то на Селине. «Ничего, – думала она, – настанет день, когда они будут уважать меня так же, как и сестру». Правда, она пока не знала, как и когда этого добьется. Встав рядом со старшей сестрой, она сразу же заметила, как лица Джорджа и Элизабет стали злобно-разочарованными и даже злыми, хотя вслух они не произнесли ни слова.

Лиана считала, что была бы вполне счастлива, замечай они хотя бы ее присутствие или отсутствие, но их это совершенно не трогало, хотя сейчас она, видя их лица, чувствовала себя виновной за опоздание.

Снаружи, перед входом, папарацци внезапно всполошились, увидев, как Майкл Арчер, покинув лимузин, направился в вестибюль. Заработали вспышки фотокамер. Толпа зрителей разразилась приветственными возгласами. Лиана сразу узнала его.

– А я и не знала, что мама послала ему приглашение, – сказала она Селине. – Несколько месяцев назад я прочла одну из его книг.

Сестра выглядела озадаченной.

– Мама не посылала ему приглашения. Мы с ней дважды просматривали список приглашенных, но имени Майкла Арчера в нем не было. – Пристально посмотрев на сестру, она спросила: – А где ты была?

– У дантиста на чистке зубов.

⁵ Рене Лалик (1860–1945) – французский ювелир и стеклянных дел мастер, один из выдающихся представителей ар-нуво. Создавал динамичные произведения необычных форм.

Лиана смотрела на Элизабет, наблюдавшую за Майклом Арчером, обменивавшимся рукопожатием с ее мужем. Она знала, с какой нетерпимостью мать относится к незванным гостям, в особенности на приемах, которые устраивает сама. Ей было интересно, как она поступит на этот раз.

– Простите, – с почтением обратилась Элизабет к подошедшему к ней Майклу. – Но я вынуждена просить вас покинуть нас, – ее голос был спокоен и тверд, и, казалось, она не замечала потянутой им руки. – Это частный, закрытый прием.

Наступило молчание, Джордж и Селина буквально обратились в слух. Лиана не отрывала взгляда от Майкла.

– Простите меня за вторжение, – ответил он. – Но, насколько мне известно, вы на сегодняшнем приеме собираете деньги для ВИЧ-инфицированных детей. Мне хотелось бы внести свою лепту, – сунув руку в карман смокинга и вынув из него полоску бумаги, он протянул ее Элизабет. – Надеюсь, вы это примете.

Элизабет посмотрела на чек, затем ее холодный взгляд вновь обратился на Майкла.

– Сто тысяч долларов – это очень щедрый взнос, – изменившимся голосом произнесла она.

– Я работаю в индустрии развлечений, – сказал Майкл. – ВИЧ, к сожалению, стал привычным заболеванием в нашей среде. Это мелочь, которую я могу себе позволить. А вы делаете то, во что я верю.

Майкл Арчер только что принес ее матери пять миллионов долларов, подумала Лиана, хотя сам он вряд ли осознает это. А может быть, даже и шесть. Известие о том, что он вручил ей чек на сто тысяч долларов, мгновенно распространилось по залу, и другие гости, дабы не потерять лицо, тоже полезли в карманы за чековыми книжками. Элизабет понимала это, но не подала виду.

– Приношу вам свои извинения, – обратилась она к Майклу. – Это очень благородный поступок. Мы будем рады, если вы почтите нас своим присутствием. Вы не откажетесь быть нашим гостем?

Появившееся на лице Майкла выражение облегчения нельзя было не заметить. Лиана подняла голову как раз в тот момент, когда он посмотрел на нее. Их взгляды встретились, и Майкл улыбнулся.

– Миссис Редман, – ответил он, – с превеликим удовольствием.

Глава 06

Некоторое время старый «Бьюик» кашлял, хрипел и трясся перед тем, как окончательно заглохнуть и остановиться в самом центре Манхэттена.

Джек Дуглас, сидевший в нем, оказался в беспомощном положении: из мотора поднимался пар, а свет фар был настолько тусклым, что едва рассеивал темноту. Он, даже не заглядывая в мотор, знал, что случилось с машиной. Уже несколько недель он собирался заменить радиатор и генератор, но был настолько занят работой, что постоянно откладывал визит в автомастерскую. Естественно, оба устройства вышли из строя в тот вечер, когда он отправился на прием к Джорджу Редману.

Надо ловить такси.

Опустив крышку бардачка, он извлек из кучи смятых бумаг и сломанных карандашей приглашение и принялся шарить дальше в поисках бумажника. Его там не было. Он посмотрел на сиденье возле себя, затем пошарил на полу, порылся в карманах своего смокинга и в карманах брюк. И тут он вспомнил, что оставил его дома в квартире, положив на видное место – на кухонный стол, – чтобы не забыть взять с собой.

Вспомнив об этом, он не мог не рассмеяться. Теперь придется топтать пешком.

Он оставил машину там, где она заглохла, на углу Пятой авеню и 75-й улицы, и зашагал к зданию «Редман Интернэйшнл», до которого было не меньше мили. Он знал, что его машину отбуксируют, но это его не заботило. В нынешний вечер голова Джека Дугласа была занята более важными делами.

Возможно, сегодняшний вечер изменит всю его оставшуюся жизнь.

Едва он пересек 61-ю улицу, как сверкнула молния и в небе прогремел раскат грома. Подняв голову и посмотрев вверх, Джек почувствовал, что в лицо ему дует усиливающийся ветер с моря. Он прибавил шаг. Только бы не пошел дождь, подумал он.

Но дождь пошел.

Когда к ливню добавился шквальный ветер, превратив его в сплошную водяную завесу, Джек запаниковал и даже бросился бежать, заслоняя руками наклоненную голову. Водитель каждой проезжающей мимо машины считал необходимым обрушить на него град брызг из-под колес. Он пробежал семь кварталов, пока наконец увидел здание «Редман Интернэйшнл», и только тогда перешел на быстрый шаг. Не пришли ему Джордж Редман приглашения на сегодняшний прием, он бы сейчас спокойно сидел дома. Но все вышло иначе.

На прошлой неделе, когда он совершил беспрецедентную по масштабам сделку, продав одному французскому клиенту пакет облигаций на сумму в 500 миллионов долларов, он превратился в наиболее уважаемую фигуру всего финансового мира, став БКЧ⁶. На следующее после оформления сделки утро, когда «Уолл-стрит джорнал» назвала его последним финансовым чудесником, все инвестиционные компании Манхэттена наперебой пытались переманить его из «Морган Стенли»⁷, но безуспешно.

Джек отказался от предложений, решив остаться верным фирме, где начинал работу. И тут пришло приглашение от Джорджа Редмана на торжественное открытие нового здания «Редман Интернэйшнл». На своем приглашении Джордж написал: «И я надеюсь, что вы придете на прием. Я хотел бы обсудить с вами кое-какие дела».

⁶ BSD – Big Swinging Dick – акроним термина «Большой качающийся член», применяемого в финансовых кругах к человеку, ловко провернувшему не вполне чистую финансовую сделку.

⁷ Morgan Stanley – крупный американский коммерческий банк (до сентября 2008 года – инвестиционный банк), относящийся к числу финансовых конгломератов. Базируется в Нью-Йорке.

Только и всего. «Редман Интернэйшнл» была одной из крупнейших в мире многопрофильных компаний. Если бы Джеку предложили работу в ней, его карьера была бы обеспечена. И плевать на верность, думал он.

Буквально из последних сил он вошел в здание и протянул распорядителю мокрое приглашение. Играл оркестр. Кругом шуршали шелка, жалобное оханье тех, кто был с ним не знаком, хихиканье тех, кто его знал. Распорядитель посмотрел на него, затем на приглашение и, казалось, заколебался, не зная, как поступить. Но в конце концов улыбнулся и произнес:

– Желаю вам приятного вечера, мистер Дуглас.

– Благодарю, – ответил Джек и вошел в вестибюль.

Один из официантов остановился перед ним.

– Шампанское, сэр?

«Шампанское, сэр?» было произнесено так, словно оно подавалось на кончике десятифутового шеста с такой интонацией, в которой ясно слышалось: «Тебе, твоим мокрым лохмотьям и твоему грязному лицу нечего делать на этом приеме».

Хотя Джек и предпочитал пиво, но принял бокал и выпил его за здоровье тех, у кого хватало наглости рассматривать его в упор.

– Славный вечер, – произнес он и улыбнулся, глядя, как они отворачиваются.

Почувствовав на своем локте чью-то руку, Джек обернулся и увидел Селину Редман.

– Похоже, вам не хватает друзей, – сказала она.

В то утро ее фото было на первой полосе «Таймс». Посмотрев на снимок, Джек решил, что Селина Редман симпатичная особа, но сейчас, встретившись с нею лицом к лицу, посчитал ее просто очаровательной.

– И душ, – добавил он после недолгой паузы. – Я попал под дождь.

Он протянул руку, которую Селина пожала.

– Я – Джек Дуглас, – представился он. – Рад знакомству.

– А я Селина Редман, – ответила она с улыбкой. – Я видела тот ужасный ваш портрет в профиль, помещенный в «Джорнал» на прошлой неделе. Кстати, мой отец прислал вам персональное приглашение, я не ошибаюсь?

Джек утвердительно кивнул.

– Боюсь, что так. Мне просто посчастливилось получить это приглашение, но посмотрите на меня. Я выгляжу, как швабра, которой только что вымыли пол.

– Не берите в голову, – успокоила его Селина. – Показаться в таком виде – лишь свидетельство того, что у вас сильный характер.

– Жаль только, что я не могу натянуть его поверх смокинга и брюк, – Джек повел взглядом вокруг. – Мне явно нужно привести себя в порядок перед тем, как встретиться с вашим отцом.

Селина посмотрела на его лицо в грязных разводах.

– А вы знаете, у моих родителей есть трехуровневая квартира на верхних этажах. Если хотите, можете там привести себя в порядок, а я подберу для вас что-нибудь подходящее из отцовского гардероба. У вас с ним примерно один размер.

Она двинулась в сторону лифтов, расположенных позади них.

– Так пойдемте же со мной, и я подберу вам одежду. Я уверена, что у отца найдется все, что вам потребуется.

Когда они поднялись в квартиру, Джек прошел следом за Селиной по комнатам, выглядевшим так, словно кто-то разорил музей, а его самыми ценными экспонатами украсил это жилище. Но, несмотря на это, общая атмосфера здесь была на удивление теплой. Как и сама хозяйка.

– Здесь ванная комната, – сказала Селина, когда они вошли в спальню родителей. – Сейчас я подберу вам что-нибудь из одежды.

Джек, оказавшись в ванной, скинул мокрый смокинг и влажную рубашку.

– Я вас не задержу, – сказал он. – Вы не уйдете?

Селина вышла из гардеробной комнаты отца с переброшенными через руку черным смокингом и брюками, поверх лежала накрахмаленная до хруста белая рубашка.

– Уж не думаете ли вы, что я упущу шанс посмотреть, как вы выглядите сухим?

Встав на пороге ванной комнаты, она протянула ему принесенные вещи. В этот момент они оценивающе посмотрели друг на друга.

– Конечно же, я не уйду.

А в вестибюле Дайана Крейн, главный юрисконсульт компании «Редман Интернэйшнл», приняла бокал шампанского, поднесенный одним из барменов, и, потягивая вино, снова повернулась к Эрику Паркеру, начальнику финансового отдела «Редман Интернэйшнл». Он все еще не закончил свой рассказ о предстоящем поглощении «УэстТекс Инкорпорэйтэд».

Когда же он, наконец, заткнется и прекратит об этом бубнить? Неужели не будет другого времени? Ну пожалуйста, обрати свое внимание на меня.

Ее тянуло к Эрику с первого дня их знакомства. Эрик Паркер, высокий и черноволосый, был способен вести и поддерживать умные разговоры и обладал недюжинным финансовым умом.

Два прошедших года у Эрика Паркера были отношения с Селиной. Перед тем как они неожиданно расстались, даже ходили слухи об их помолвке.

Свет вспыхнул, и тут же зал погрузился в темноту. Ошеломленные гости начали перешептываться, оркестр перестал играть. Дайана и Эрик следили за тем, как яркий луч света, прорезав темноту, остановился на сверкающем водопаде, голубоватые отсветы заплесали на лицах удивленных гостей.

– Что это? – спросила она Эрика, слегка толкая его в бок.

– Денежный залп. Смотри, что сейчас будет.

Из-за водопада появилась Элизабет Редман, шагнув, казалось, прямо сквозь струи. Это была чистой воды иллюзия, но гости приветствовали ее гулом одобрительных голосов. Она стояла перед ними, элегантная в своем черном платье. Бриллианты на шее, на запястьях и в ушах сверкали в луче света. Джордж, пройдя сквозь водопад, встал рядом с женой, отвечая улыбкой на нараставший в зале приветственный шум. В луче прожектора они прошептали к танцполу.

Публика зааплодировала, засверкали лампы-вспышки фотокамер.

– А она красивая, – заметила Дайана.

– Да, – согласился Эрик. – Но не такая, как дочь.

Он протянул ей свой пустой бокал. Дайана попросила бармена наполнить его, но на этот раз не добавлять льда. Когда оркестр заиграл «Единственный момент», зал снова взорвался аплодисментами – Джордж и Элизабет открыли бал. Вскоре к ним присоединились и другие пары, и площадка превратилась в колышущуюся массу блестящих шелковых платьев и черных смокингов.

– Потанцуем, – предложила Дайана, протягивая Эрику руку.

Держась за руки, они легкой, грациозной походкой подошли к танцполу. Глядя прямо в лицо Эрика, Дайана видела, что он улыбается ей, и ответила ему тем же. Он прижал ее плотнее к себе, а девушка задумалась, знает ли он о том, что она уже многие годы любит его. Он приблизил губы почти вплотную к ее уху. Дайана вся напряглась, решив, что он намерен ее поцеловать. Когда он заговорил, его слова прозвучали для нее вторжением каких-то непереносимых звуков.

– Как ты думаешь, когда это дойдет до нее, она будет ревновать?

Дайана посмотрела на него, остро чувствуя запах алкоголя в его дыхании.

– Когда это дойдет до Селины, – пояснил он, – ну то, что мы с тобой танцуем. Как ты думаешь, она будет ревновать?

На лице Дайаны появилась скептическая улыбка.

– А почему бы тебе самому не спросить ее об этом?

И тут музыка кончилась.

Пока Джек мылся под душем, Селина, сбросив туфли и сидя на кровати родителей, блуждала взглядом по их спальне. Во всем здесь чувствовалась рука матери: здесь было все необходимое, но комната не была перегружена вещами. Единственное, на чем остановился ее взгляд, были вставленные в серебряные рамки семейные фотографии, стоявшие на прищипанном столике в чиппендейловском стиле.

Сойдя с кровати и подойдя к столику, она взяла одну из фотографий. На ней они с Эриком Паркером, держась за руки, стояли перед прежним зданием компании «Редман Интернэйшнл» в Мэдисоне. Селина отчетливо помнила тот день. Через час после того, как их сфотографировали, они с Эриком впервые занялись любовью. Тогда Селина была уверена, что отдает себя мужчине, с которым проведет всю оставшуюся жизнь. «А теперь, – думала она, – я и сама не знаю, что мне надо».

Девушка положила фотографию обратно на столик и задумалась, мог бы Эрик быть здесь. Она бы сама попросила его прийти. Хотя они уже больше не встречались, ей казалось совершенно ненужным присутствие в их отношениях какой-либо враждебности. Ведь Селина на самом деле все еще любила его. Они бы не расстались, если бы он так упорно не настаивал на женитьбе.

Она не понимала, к чему такая спешка. В двадцать девять лет она была слишком молода для брака, не говоря уже о детях, которых так хотел Паркер. Но они бы, разумеется, появились, не будь Эрик таким нетерпеливым. И отцом детей Селины был бы именно он. Но до того она планировала жить для себя, без кольца на пальце, независимо от того, нравится это Эрику или нет.

Дверь в ванную комнату, расположенная в другом конце спальни, открылась, и Джек Дуглас, свежий после душа и наряженный в смокинг Джорджа, появился на пороге. Какой он симпатичный, подумала Селина. Он был прекрасно сложен, светло-рыжеватые волосы выглядели скорее взъерошенными, чем причесанными, а на губах играла искренняя и добрая улыбка. Она предположила, что ему чуть за тридцать.

Джек пригладил руками смокинг.

– Ну, что скажете? – спросил он.

– Вид у вас изысканно-утонченный, – ответила Селина. – Вы хорошо отмылись. А теперь спустимся вниз и разыщем моего отца. Я уверена, что он хочет с вами поговорить.

Глава 07

Лиану Редман, идущую через толпу, смешило то, с какой готовностью гости расступаются перед ней.

В толпе попадались знакомые лица, но большинство из них находилось под влиянием либо циркулирующих в организме наркотиков, либо слишком частого поднятия и осушения бокалов, отчего их губы были постоянно растянуты в каких-то странных полуулыбках. Она кивнула мужчине, который днем проворачивал миллионные сделки, а ночи, если верить слухам, проводил в секс-клубах. Она прошла мимо графини, пожертвовавшей сотни тысяч долларов фонду по борьбе с детской и юношеской преступностью, но про нее говорили, что она постоянно попадает на воровстве из универмагов «Блумингдейл» и «Сакс». Справа от нее стоял шейх, любящий своих многочисленных жен и обожающий пощеголять в их одеждах, натянув их на свои пухлые тела. Она услышала, как женщина, стоявшая по левую руку от нее, говорила: «Бренда? Выходит замуж? Да это же абсурд. Я сейчас расскажу тебе кое-что про Бренду. Да она же просто мужик в юбке; она сама скручивает для себя тампоны».

Лиана посмотрела на женщину, говорившую это, и ей захотелось сказать ее подруге, что рассказчица, возможно, говорит о самой себе. Ей казалось, что здесь, на Пятой авеню, гораздо больше коррупции, наркомании и наплевательского отношения к социальным ценностям, чем в любом другом месте Нью-Йорка.

В дальнем конце вестибюля она вдруг увидела Гарольда Бейнса, вице-президента по международным делам компании «Редман Интернэйшнл», сидящего в полутемном углу за придвинутым к стенке столом и разговаривавшего со своей женой Хелен. Лиана улыбнулась. Наконец-то ее взгляд остановился на том, с кем она была не просто знакома, а кого обожала.

Гарольд работал в «Редман Интернэйшнл», сколько она себя помнила, и они всегда были близки друг другу. Еще ребенком она иногда навещала отца в прежнем головном офисе на Мэдисон-авеню. Гарольд взял за правило проводить время с нею, в то время как все остальные обращали все свое внимание на Селину, имея в отношении этой дочери хозяина далеко идущие перспективные планы. За это Лиана всегда любила его.

Она направилась к ним. Толпа раздвинулась, и она увидела, как Гарольд, отодвинув стул от стола, встал и поцеловал Хелен в лоб. Лампа, висевшая над их столом, осветила глубокие складки морщин на его лице и темные круги под глазами, какие бывают у мужчин значительно старше шестидесяти. А ведь Гарольду Бейнсу был всего пятьдесят один год.

Лиана помахала ему, но Гарольд, не заметив, вошел в расположенную рядом туалетную комнату. Казалось, он похудел и постарел с того дня, когда она видела его в последний раз; к тому же девушка заметила, что он держится так, словно каждое движение требует напряжения всех мускулов, на что у него уже не было сил. Когда дверь за ним захлопнулась, она задумалась, что с ним. Может, он тяжело заболел? Она уже направилась было к Хелен, чтобы поговорить с нею, но как раз в этот момент из толпы возник Майкл Арчер. Подойдя к ней и протянув руку, он спросил:

– Потанцуем?

Оркестр играл «Я все равно буду видеть тебя». Рядом с ними на танцполе кружились и другие пары; Лиана посмотрела на Майкла и наконец решила задать ему вопрос, который определенно застал его врасплох.

– А скажите мне, – начала она. – Зачем вы все-таки потратили сто тысяч долларов, чтобы прийти сюда?

Услышав вопрос, Майкл попытался изобразить на лице удивление.

– Мне кажется, я уже объяснил причину, – ответил он, тщательно подбирая слова. – Я хотел помочь вашей матери собрать во время этого приема деньги для ВИЧ-инфицированных.

– Чепуха.

– Простите?

– Вам бы следовало придумать что-нибудь получше, – заметила Лиана. – Такому объяснению поверила бы моя мать, но не я.

Майкл почувствовал тревогу, но взял себя в руки. Она не могла знать истинную причину его появления. Это было попросту невозможно. И все-таки он разволновался, а она, казалось, смотрела куда-то сквозь него.

– Значительную часть своей жизни я провел среди творческих людей, – задумчиво произнес Майкл. – Некоторые из моих друзей заболели СПИДом, но пока внимание прессы к этому слишком мало. То, что делает ваша мать, поистине здорово. Она вернет тему ВИЧ-инфекции на первые полосы.

Лиана внимательно следила за его лицом.

– Ладно, – согласилась она. – Ваши объяснения приняты. Но все равно у вас должна быть и другая причина. Никто не выложит сто тысяч долларов на благотворительность из чистой доброты. Доброта приказала долго жить еще в сороковых годах, – Лиана осмотрелась вокруг. – Здесь присутствует кто-то, с кем вы хотели бы встретиться? Например, продюсер? Или издатель?

Его рука плотнее обвилась вокруг ее талии.

– Да я от них и так не могу отбиться, – ответил он.

– Так все-таки, зачем вы здесь?

– Почему вы так уверены в том, что меня привела сюда какая-то конкретная причина? По-вашему, я не могу быть просто приятным гостем?

– Таковых больше не существует, мистер Арчер. Оглянитесь вокруг себя. Видите вон того мужчину с сигарой? Рядом с ним его жена, которая знает, что еще он любит делать с зажженной сигарой. Так в чем все-таки причина?

Майкл, перехватив ее саркастический взгляд, смягчился. «Для нее это своего рода игра, – подумал он. – Она знает, что я вру, и попросту веселится над этим. Так что, друг, успокойся».

– Ну хорошо, – сказал он. – Я расскажу вам, но при одном условии.

– И что это за условие?

– Вы должны рассказать о себе что-то, чем не гордитесь. Ты мне – я тебе.

– Договорились. Так в чем причина?

– Я не хочу давать деньги правительству, – сказал Майкл, полагая, что эта мысль покажется ей новой. – Когда до меня дошло, что ваша мать собирает на этом приеме деньги для ВИЧ-инфицированных детей, я воспринял это как шанс списать сто штук баксов со своего налога. Лучше помочь детям, чем отдать эти деньги старикам, уже впавшим в детство, вы считаете, что я не прав?

Лиана согласно кивнула:

– Что ж, в это я верю.

Она случайно столкнулась с женщиной, танцевавшей позади нее. Обе повернулись друг к другу и, улыбаясь, произнесли извинения.

– Теперь ваша очередь, – напомнил Майкл.

– Я не думаю, что вы разберетесь в этом.

– А вы попробуйте.

Она посмотрела на него с вызовом.

– Я наркоманка. Я уже давно ничего не принимаю, однако все еще наркоманка – на мне еще висит тот самый ярлык, который не снимут с меня, даже после реабилитации... наркоманка навсегда и навечно. А я так пристрастилась к кокаину! И не отвыкла, верьте мне, но я просто не могу принимать его, иначе все... полетит в тартарары.

Внезапно затеянная им игра «ты мне – я тебе» сошла на нет.

– Простите, – пробормотал он. – Меня это не касается.

– Это все знают, – добавила Лиана. – И это еще один повод для моей семьи стыдиться меня, – тыльной стороной ладони она провела по его щеке. – Да ладно, приятель, не делай такое печальное лицо. Все это было со мной, когда я училась в школе в Швейцарии. Я уже несколько лет не прикасаюсь к наркоте.

Они продолжали танцевать, а Майкл снова стал гадать, зачем отец послал его на этот прием. И почему для него так важно, чтобы он встретился с Лианой Редман?

Чья-то рука легла ему на плечо. Майкл обернулся и увидел Гарольда Бейнса.

– Позвольте мне? – попросил Гарольд.

Майкл с неохотой уступил ему Лиану.

– Как я рад, что встретил вас, – проговорил писатель.

Лиана улыбнулась.

– Я тоже. Может быть, мы отложим наш непристойный танец? Встретимся в центре танцпола. Минут через тридцать.

– Что значит, непристойный? – поинтересовался Майкл.

– Это значит, что я не ношу нижнего белья. И, значит, ты надолго застрянешь на страницах желтой прессы.

Майк, подняв руки, повернулся, собираясь отойти прочь.

– Договорились, – согласился он. – Через тридцать минут. А ты в это время подумай о последствиях.

Майкл с удивлением почувствовал, что она ему нравится.

Наблюдая, как новый знакомый, сойдя с танцпола, скрывается в толпе, Лиана пожалела, что их танец и разговор прервали.

– Ты всегда клеишь каждого встречного? – спросил Гарольд.

– Только клевых парней.

– Ты и вправду не носишь нижнего белья?

– Конечно, ношу. Это просто чтобы крепче подцепить его.

– Ну ты даешь! – изумился он. – Но я бы сказал, что он, похоже, стоящий парень.

– Мне навести о нем справки?

– Это Майкл Арчер.

– Тот самый писатель?

– И к тому же еще и кинозвезда. Мне больше по вкусу его книги.

– Судя по вашим лицам, я могу судить, что вы друг другу понравились, – Гарольд протянул ей руку. – Потанцуем.

Оркестр играл веселую мелодию, и, когда они смешались с танцующими парами, Лиана вдруг подумала, что Гарольд кажется ей другим человеком, по сравнению с тем, что она заметила до этого. Ее это обеспокоило: морщины на его лице уже не выглядели такими глубокими, и он прекрасно и свободно двигался в танце. Его каштановые волосы блестели, как будто он только что намочил и причесал их.

– Ты сейчас выглядишь лучше, – сказала Лиана.

– Лучше?

– Когда я заметила тебя в первый раз, ты был на себя не похож.

– Какая милая забота, – с улыбкой произнес Гарольд. – А когда это было?

– Минут двадцать назад. Я старалась привлечь твое внимание, но ты, не заметив меня, пошел в туалетную комнату.

Гарольд, схватив ее за руку, закружил по танцполу. Белое с цветными блестками платье Лианы развернулось веером, и она засмеялась.

– Я думаю, тебе нужны очки, – сказал Гарольд. – Сейчас я чувствую себя лучше, чем когда-либо.

– Я очень рада, – ответила Лиана. – А то я забеспокоилась, – девушка осмотрелась. – А где же тетя Хелен?

Гарольд бросил на нее внимательный взгляд.

– Тебя это и вправду интересует? Она сейчас сплетничает с твоей мамашей. Иногда мне не удается оттащить их друг от друга, – он сжал ее руку. – Пойдем выпьем. Я ведь столько дней не видел и не говорил с тобой. К тому же мне хочется одного из твоих мартини.

– Мартини!

Сойдя с танцпола, они направились к бару. Все желания публики выполнялись здесь с быстротой и легкостью. Она кивнула молодому бармену, телосложение которого скорее подошло бы охраннику. На прошлой неделе Лиана переспала с ним, и сейчас он смотрел на нее с улыбкой.

– Ты же знаешь, что мы хотим, крутой парень?

– Особый напиток Лианы Редман!

Она сжала локоть Гарольда.

– Дела вроде бы идут в гору, Гарольд. У моего отца теперь собственный небоскреб. У меня собственный напиток. В общем, повсюду этот долбаный прогресс.

Пока они ожидали заказанный коктейль, Лиана заметила Эрика Паркера, сходящего с танцпола с Дайаной Крейн. Девушка проводила их взглядом до противоположного конца бара, где Эрик что-то заказал, а Дайана взяла бокал шампанского с подноса подошедшего официанта. Выпив бокал, она взяла второй и потягивала из него, ожидая, когда ее спутник отойдет от бара и присоединится к ней.

– Прошу вас, мисс Редман.

– На прошлой неделе не было никакой мисс Редман, – Лиана подмигнула ему, а он покраснел. – Забудь про манеры. У тебя же есть мой номер?

Бармен кивнул.

– Так пользуйся им, – сказала она. – И не затягивай с этим.

Она приняла приготовленный им напиток и снова посмотрела на Эрика и Дайану. Они молча стояли, держа в руках свои напитки. Лиана заметила, что сестра злится. Интересно, почему? – подумала она.

Подавая Гарольду его мартини, она сказала:

– Это питье подействует на тебя как пинок в задницу, после которого ты долетишь до Луны.

– Я знаю, как он подействует.

– Отлично. Тогда отправим наши задницы в полет вместе.

Они чокнулись и выпили.

– Мы можем поговорить наедине? – спросил Гарольд. Он выпил свой мартини и, кивнув на полный бокал Лианы, покачал головой. – Да ты просто дилетант. Это лучшее, на что ты способна? Пей. Что-то подсказывает мне, что тебе не понравится то, что я намерен тебе сказать.

Следуя за группой настоящих знаменитостей и наследников больших состояний, они подошли к освещенным свечами фуршетным столам. Ледяные лебеди с иранской икрой отражали блики живого огня, Лиана почувствовала соблазнительный запах, в котором пере-

мешались ароматы жареной утки, вестфальской ветчины, лососевого мусса. Она замедлила шаг, но Гарольд, обняв ее, потянул вперед.

– Я не займу тебя надолго, – успокоил ее он. – Ты сможешь поесть попозже.

– А я хочу поесть сейчас.

Когда они вдвоем сели за стол Гарольда, он, повернувшись к ней, спросил:

– А где ты была в начале приема? Ведь среди встречающих тебя не было, когда мы с Хелен проходили мимо них.

Так вот о чем он собирается поговорить с ней.

– Я пришла позже.

– Из-за того, что случилось с Селиной и тем мужчиной, которому она помогла?

Как хорошо он ее знает.

– Ну, допустим, – подтвердила Лиана. – А ты знаешь, тебе еще не поздно сделать карьеру гадалки на кофейной гуще.

Гарольд вздохнул. Еще с того времени, когда Лиана была еще ребенком, он старался вселить в ее сознание уверенность в себе. Он старался заставить ее понять, что она ничем не отличается от Селины. Неужто ему так и не удалось достучаться до нее?

– Твоя сестра ничем не лучше тебя, Лиана.

– Ты так думаешь? Тогда скажи мне, почему Селина на борту этой проклятой многопрофильной компании, а я нет?

– Твоя сестра усердно работала для того, чтобы оказаться там, где она сейчас находится.

– Да будь у меня такие возможности, как у нее, я тоже могла бы работать усердно, – Лиана, подняв голову, посмотрела ему в глаза. – Тогда скажи мне, почему меня спланировали в Швейцарию, когда я могла посещать школу здесь, как это было с Селиной, и работать на «Редман Интернэйшнл», как это делала моя сестра?

– Лиана, ты знаешь, что на этот вопрос у меня нет ответа.

– Я это знаю, но если мы собираемся снова начать этот разговор, то опять ни о чем не договоримся. Мне надоело быть никчемной дочерью, которая ничего не добилась. Я устала от того, что все вокруг только и говорят, что я ни на что не годна. Я хочу только одного – хочу, чтобы на меня обратили внимание. Хочу, чтобы мои родители наконец раскрыли глаза и заметили меня.

– Тогда перестань плакаться и брюзжать и займись хоть чем-нибудь, – ответил Гарольд. – Неужели ты серьезно веришь тому, что Селина достигла своего нынешнего положения, сидя на заднице и хныча, как избалованный ребенок? – Он не стал дожидаться ее ответа, зная, что единственный способ пронять Лиану – это ее разозлить. – Конечно же, нет. Ну да, Джордж дал ей шанс, но эта девочка вкалывала как проклятая, и она не стала бы членом совета директоров, если бы не заслужила этого. Я знаю Джорджа. Он бы этого не допустил.

– Неужели ты думаешь, я этого не знаю?

– Нет, – возразил Гарольд. – Я больше чем уверен, что ты этого не знаешь. Я думаю, что ты видишь только то, что хочешь видеть, а это не всегда может быть правдой.

– Так почему ты говоришь мне все это? – почти выкрикнула Лиана.

– Потому, что мне следовало сказать тебе об этом еще много лет назад, а не ублажать тебя ничего не значащими словами. Единственный способ стать кем-то в этом мире – это сделать саму себя. Ведь то, что ты дочь Джорджа Редмана, еще не означает, что окружающие должны воспринимать тебя иначе, чем всех остальных. Наоборот, это означает, что ты должна пахать куда больше, чем все остальные.

– И что я должна делать? Я же ничего не умею, – Лиана сцепила руки. – Не будем об этом. Я знаю, как приготовить убийственный мартини, и я знаю, как вести себя, когда трахаешься с незнакомцем. Эти знания могут обеспечить меня работой?

– Возможно только на панели. Что ты реально имеешь – это полученное в колледже образование и интересы. Дело только за тобой: у тебя есть желание усердно и по-настоящему работать? Твоя проблема заключается в том, Лиана, что ты ленива. И всегда такой была.

Гарольд Бейнс посмотрел на часы, мысленно проклиная себя за то, что был так резок с ней, хотя понимал, что на этот раз он вроде бы достучался до нее.

– Послушай, – снова обратился он к Лиане. – Я должен идти и найти Хелен. Но я хочу, чтобы мы с тобой встретились, и поскорее – до того, как мы с Эриком уедем в Иран. Мы вместе посмотрим и решим, чем тебе заняться. Ведь тебе не требуется помощь отца, для того чтобы сделать себе имя. Мы с Хелен знаем почти всех в этом городе. Может быть, я смогу познакомить тебя с кем-нибудь, кто даст тебе шанс.

– Ты и вправду сделаешь это для меня? – изумленно спросила Лиана.

– Лиана, я могу устроить тебя к Анне Винтур⁸.

– В самом деле?

От неожиданности она прижала руки к груди.

– Или к Путину.

– Какая мне разница? И тот, и другая любят меха.

Девушка обняла его.

– Поверишь ты или нет, но я люблю тебя, Лиана, – сказал Гарольд.

⁸ Анна Винтур – главный редактор американского издания журнала «Вог» (Vogue), одна из самых влиятельных фигур в мире современной моды.

Глава 08

Стоя возле бара, Дайана Крейн следила за тем, как пара, выйдя из кабины лифта, пробиралась через толпу. Она смотрела на смеющуюся Селину, на улыбающегося мужчину рядом с ней, смотрела на их сплетенные руки, когда они присоединились к Джорджу и Элизабет, стоящим у водопада.

Этот мужчина был высоким и стройным, его светлые волосы были коротко подстрижены, лицо выглядело простым, но симпатичным. Всего несколько человек узнали его по пути от лифта к водопаду, но он, похоже, не замечал их взглядов. Узнала его и Дайана, вспомнив портрет и статью в «Джорнал» – Джек Дуглас. Его внимание сейчас было всецело сосредоточено на Селине, за что Дайана была ему очень благодарна.

Повернувшись к Эрику, она по его удивленному лицу поняла, что он тоже наблюдает за этой парой.

– Как ты насчет того, чтобы отчалить отсюда? – спросила она. – Мы показали себя, обменялись рукопожатиями со всеми, с кем следовало. Джордж не заметит нашего отсутствия, – она сделала глоток шампанского. – Да и, судя по всему, Селина тоже не хватится.

Эрик не произнес ни слова.

– У входа меня ждет машина, – добавила Дайана.

– Дайана, я никуда с тобой не поеду.

– Эрик, да мы просто выпьем кофе.

– Вот в этом-то я и сомневаюсь, – язвительно произнес он. – Если, конечно, ты не имеешь в виду кофе, поданного в постель.

Глаза Дайаны вспыхнули, словно внезапно включенные фонари.

– Как прикажешь тебя понимать?

– Так прямо и понимай: мне надоело то, что ты постоянно преследуешь меня, – со злостью в голосе говорил Эрик. – Если ты думаешь, что я, увидев Селину с этим мужчиной, сразу же прыгну в твою постель, то ты ошибаешься. Я не испытываю к тебе никакого интереса. Этого никогда не было. И никогда не будет. Так что почему бы тебе и вправду не доставить себе удовольствие и не исчезнуть отсюда? А я остаюсь здесь.

Дайана поставила наполовину выпитый бокал на стойку бара.

– Они смотрятся вполне подходящей парой, – заметила она. – Я надеюсь, что у них все сладится.

С этими словами она ушла, затерявшись в толпе, не заметив Лиану, которая, стоя рядом с ними, все слышала.

– Из-за чего весь этот шум? – спросила Лиана.

Эрик покачал головой.

– Да ты не поймешь, – он поднес ко рту бокал и, глядя поверх него, стал рассматривать Лиану. В этот вечер она выглядела красавицей. – Ну, как тебе нравится прием? – спросил он.

– Как мне нравится прием? – не расслышав вопроса, переспросила она. – Эрик, а тебе-то самому здесь нравится?

Лиана, опершись о стойку бара, склонилась к нему. Сейчас со своего места она отчетливо видела Селину, стоявшую спиной к водопаду и слушающую Элизабет. Блестки на ее красном платье сверкали, отражая свет звезд, сияющих под потолком вестибюля.

– Извини, – произнес Эрик.

– Забудь, – Лиана показала рукой на Джека Дугласа. – А кто это?

– Не знаю, черт его побери.

– Я только что видела, как они вместе выходили из кабины нашего лифта.

– Так же, как это делали и все другие. Ты думаешь, между ними что-то есть?

– Понятия не имею.

– Сейчас, похоже, не самое подходящее время для того, чтобы выяснять это, согласна?

– Если под выяснением ты понимаешь, подойти к Селине и в присутствии ее родителей спросить об этом, тогда я тоже не думаю, что это самое подходящее время для выяснения отношений. Но я бы спросила ее. У тебя есть полное право знать.

– Почему вы так не любите друг друга?

Прежде чем девушка успела ответить, свет в вестибюле померк, воцарилась тишина, и над толпой разнесся голос ее отца. Лиана поверх моря голов увидела его стоящим в центре танцпола. Рядом стояла ее старшая сестра.

– Этот вечер для меня особый, – произнес Джордж, обращаясь к толпе. – Владеть зданием на Пятой авеню было моей мечтой еще с того времени, когда я был ребенком. Но мечты трудно воплощаются в жизнь, и эта мечта так и осталась бы мечтой, если бы не поддержка моей жены и помощь моей дочери Селины.

Посмотрев на Селину, он продолжил.

– Если бы не ты, мы не стояли бы здесь сейчас. – С этими словами он коснулся своим бокалом с шампанским ее бокала. – То, что вы видите, это результат нашей многолетней совместной работы.

Толпа громко зааплодировала.

Селина, потянувшись к отцу, поцеловала его. Лиана при этом отвернулась и попросила у бармена бутылку с шампанским. Когда бармен подал ее, она взяла Эрика за руку и повела его в толпу.

– Куда мы идем? – спросил Эрик.

Ответ Лианы был столь же ясным, как и боль в ее голосе.

– Надо выбросить ее из наших голов.

Они молча шли по коридору, Лиана чуть впереди Эрика, который заглядывал в комнаты, расположенные по обеим сторонам. Они были в квартире Джорджа и Элизабет. Когда они проходили мимо одной из гостиных, вспыхнуло электричество, осветив на мгновение семейную кошку Изадору, сидевшую в напряженной, готовой к обороне позе на софе, обтянутой оранжевой тканью с узорами. Они подошли к библиотеке, расположенной в конце коридора. Лиана остановилась в дверях и пристальным взглядом посмотрела на стоящий у противоположной от двери стены отцовский письменный стол, на котором горела лампа под зеленым абажуром.

– Мне казалось, что я выключила свет, когда уходила отсюда, – сказала она.

Эрик, потеснив ее, протиснулся в дверь, и вошел в комнату. Он с ходу плюхнулся в кресло и закрыл глаза. Неужели комната не перестанет вращаться?

Лиана продолжала стоять в проходе.

– Я же отлично помню, что выключала свет.

– Очевидно, ты так его и не выключила, раз он все еще горит.

– Да мне наплевать на то, что он горит. Я была здесь раньше. Но перед тем, как выйти отсюда с этим парнем из охраны, я помню, что погасила свет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А что, по-твоему, я хочу сказать? Кто-то здесь был.

– Тоже мне событие! Должно быть, здесь была Селина со своим новым мужчиной.

Об этом Лиана не подумала.

– Возможно, – согласилась девушка.

– Будь так добра, открой бутылку шампанского, а то я помираю от жажды.

Она подошла к нему и включила стоящую возле кресла лампу. Эрик вздрогнул и прикрыл рукой глаза.

– Я думаю, тебе стоит воздержаться от шампанского, – сказала Лиана. – Ты выглядишь так, словно на минутку вышел из ада.

– А я чувствую себя небожителем.

– Подожди до утра.

Она подошла к окнам, расположенным за ее спиной. На фоне залитого светом города выделялись черные гладкие громады небоскребов, словно воткнутые в небо.

– А ты знаешь, что я хочу тебе сказать, Лиана? – спросил он. – Ведь ты действительно красивая.

– А ты знаешь, что я хочу тебе сказать, Эрик? Ведь ты действительно пьян.

– А ты знаешь, какое мое самое приятное воспоминание о тебе?

Глядя на его отражение в зеркале, она ответила:

– Нет, не знаю.

– Тебе было пятнадцать лет; я был знаком с тобой что-то около пяти месяцев, и ты сказала мне, что ты и твоя лучшая подруга в то время... как же ее звали? Эйша или что-то в этом роде... вы решили побывать на Рождественской мессе в соборе Святого Патрика голышом. Но конечно же, в длинных куртках.

Лиана отвернулась от окон.

– Ее зовут Эйша Уорд, – улыбнувшись, сказала она. – И мы все еще дружим. Но не будь ко мне таким строгим. Это действительно твое самое приятное воспоминание обо мне? Если это так, то я еще более испорченная по сравнению с тем, какой я себя представляла.

– Это одно из воспоминаний, – продолжал Эрик. – Я как будто сейчас снова вижу тебя и Эйшу сидящими между Джорджем и Элизабет; ваши красные лица – ведь вы старались не рассмеяться; вы строили мне глазки, когда никто не мог этого заметить. Я, помнится, думал, что вот Селина никогда бы на такое не решилась, но именно тогда я и понял, что мы с тобой станем друзьями.

Лиана, открыв бутылку шампанского, поднесла к губам. Глотая вино из горлышка, она краем глаза заметила, что Эрик сосредоточенно и внимательно смотрит на нее.

– А ведь и я тоже сохранила приятное воспоминание о тебе, – сказала она.

– И какое же?

– Ты помнишь все те письма, которые ты писал мне, когда я была в школе в Швейцарии?

Он утвердительно кивнул.

– Я подседа на кокаин, и ты об этом знал, но я никогда тебя не спрашивала, как это стало тебе известно.

Эрик заколебался; его голова была затуманена алкоголем, но после недолгой паузы он вспомнил, как все произошло.

– Помнишь, как мы с Селиной приехали к тебе на неделю? Мне, не помню для чего, вдруг понадобилась ручка, я стал рыться в ящике твоего письменного стола и под кучей бумаг наткнулся на полупустой флакончик с кокаином.

Лиана закрыла глаза.

– И ты никогда никому не сказал об этом, – задумчиво произнесла она. – Ни Селине, ни отцу с матерью. Ты решил предоставить мне возможность самой справиться с этой проблемой. Я не справилась. Но ты верил и в меня, и в то, что я смогу это преодолеть. А твои письма подбадривали и воодушевляли меня; я верила, что ты бы сразу приехал ко мне, если бы мне понадобилось излить кому-то душу, а ведь я даже никогда и не поблагодарила тебя за это. Да и за то, что ты хранил мою тайну.

– Я уверен, что ты должна отблагодарить меня за это.

Лиана улыбнулась.

– Ты был таким добрым. А я тогда ничего не соображала и так и не сказала тебе «спасибо». Но я сделаю это сейчас. Ведь именно так мы, наркоманы, и поступаем. Спасибо тебе, Эрик. Благодарю за то, что только ты один верил в меня, когда все остальные махнули на меня рукой.

Сложив руки на груди, она снова подошла к окну и стала следить за Эриком по его отражению на стекле. Он встал. Его покачивало, но он, взяв себя в руки, стащил смокинг и накинул его на спинку стула.

Подойдя к ней и встав за ее спиной, он запустил пальцы в ее волосы и прильнул губами к ее обнаженному плечу. Лиана не оттолкнула его, хотя ясно понимала, что они занимаются сейчас грязным делом, которое при всех обстоятельствах таковым и останется. Как бы там ни было, ей нравились прикосновения этого мужчины. Именно сейчас она больше всего желала быть любимой и иметь рядом того, кому она не безразлична.

В другом конце комнаты под письменным столом Джорджа Редмана, скрючившись и стараясь не шевелиться, сидел Винсент Спокатти. Большое, обитое кожей кресло сдавливало ему грудь. Шея затекла, поскольку голова была опущена вниз и повернута набок. Он сжимал в руке пистолет, готовясь в любой момент пустить его в действие.

Он просматривал папки, вынимая их одну за другой из ящиков письменного стола Редмана, когда Лиана и ее дружок внезапно вошли в комнату, застав его врасплох. Их появление взбесило его куда больше, чем тот факт, что он не обнаружил ничего интересного для Луиса Райана. Ни в одной из папок, лежащих в столе, не было ни одного документа, связанного с поглощением «УэстТекс Инкорпорэйтэд».

Но существовали и другие варианты добычи информации, нужной Райану. И если его работодатель согласится с предложенной ценой, то Винсент Спокатти добудет ему эту информацию.

Он напряженно вслушивался, стараясь понять, в каком месте комнаты они стоят, но только понял, что парочка начала целоваться. Он не был уверен, что сможет долго просидеть скрючившись. Мускулы шеи затекли, и теперь начало сводить спину.

В этот момент он услышал, что на ковер упали туфли.

Посмотрев в узенькую щель в передней панели стола, он увидел колышущееся белое платье и пару загорелых ног, идущих в его сторону. Рука сжала пистолет. Щелкнул выключатель, и свет над ним погас. Спокатти напрягся, готовый начать стрельбу.

– Запомни это, Эрик, – сказала Лиана. – Я выключила свет. Я еще не сумасшедшая.

– Конечно, нет, – согласился мужчина. – Ну ладно, иди ко мне. Я покажу тебе, каким сумасшедшим могу быть я.

Спокатти ждал, ждал до тех пор, пока точно не убедился в том, что остался в комнате один, и только после этого подвинул на прежнее место кресло, встал и засунул пистолет в кобуру. Разглаживая одетыми в перчатки руками грудь своего смокинга, он вдруг подумал, что Лиана Редман уже дважды за этот вечер едва не разоблачила его. Он почесал шею, стараясь унять судорогу.

Ну погоди, подумал он, выбираясь из комнаты в коридор, я тебе отплачу за все, сука.

Выйдя из кабины лифта в вестибюль, Спокатти стал искать глазами Селину Редман. Он нашел ее возле буфета беседующей с каким-то мужчиной и сразу направился к ним.

– Селина Редман? – спросил он.

Они одновременно повернулись и посмотрели на него.

– А в чем дело? – поинтересовалась девушка.

Спокатти показал ей свою карточку охранника.

– Могу я сообщить вам кое-что наедине?

Двери лифта раскрылись, и Селина вошла в квартиру родителей. Почему Лиане вздумалось встретиться с ней именно здесь? Неужели нельзя было поговорить в вестибюле? Она обещала Джеку танец, и ей не терпелось вернуться в зал.

Она услышала голоса, доносившиеся с конца коридора.

Селина быстрым шагом пошла в этом направлении и остановилась перед дверью, ведущей в одну из спален. Хотя до нее долетали лишь обрывки разговора, она узнала голос Лианы и сразу поняла, что стоять здесь перед дверью ей не следует, поскольку произошло что-то нехорошее. Она вся обратилась в слух. Теперь голос слышался более ясно.

– Пожалуйста, не смущайся. Такое иногда случается. Просто ты слишком много выпил.

Селина подошла вплотную к двери.

– Послушай, – сказала Лиана. – Почему бы тебе не прилечь? Ты же можешь спать здесь всю ночь. Отец и мать не будут иметь ничего против, а я обещаю, они не узнают, что я была здесь с тобой. Моя сестра тоже ничего не узнает. Это будет нашей с тобой тайной.

В этот момент Селина вошла в спальню. Лиана сидела на краю кровати в тонком шелковом кимоно. Когда Селина вошла, сестра, отвернувшись от Эрика, посмотрела на нее. Девушку поразило то, что под ярко расписанной тканью кимоно на ее сестрице ничего не было, поэтому она и не заметила, каким неподдельным удивлением вспыхнули глаза Лианы.

Она закрыла за собой дверь.

– Мне передали твою просьбу, Лиана. Твой приятель из службы охраны сообщил мне о ней.

Пораженный Эрик сел на кровати. Он переводил взгляд с одной сестры на другую, а потом, поняв, что он голый, натянул на себя простыню.

– Какую просьбу?

Лицо Селины было невозмутимым, но внутри у нее все клокотало от бешенства. Она смерила Эрика презрительным взглядом.

– Я не хочу слышать от тебя ни единого слова, – едва сдерживаясь, произнесла она. – Ни единого слова.

– Это не то, что ты думаешь, – пытался убедить ее Эрик.

– Это именно то, что я думаю, и я больше не желаю тебя видеть. То, что было между нами, закончено, – отрезала Селина и перевела взгляд на Лиану, которая уже стояла и обеими руками удерживала кимоно запахнутым. – Перед тем как я уйду, мне необходимо выяснить одну вещь, а именно: чем я заслужила такое отношение к себе с твоей стороны? Зачем ты сказала этому человеку, что хочешь встретиться со мной здесь?

Лиана покачала головой. Она чувствовала смущение и стыд, а главное, не могла понять, что на самом деле произошло. Она никогда и не помышляла о такой встрече. Но она произошла. Но как, каким образом?

– Ответь мне, – настаивала Селина. – Я имею право знать.

– Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь, – ответила Лиана. – Я никогда и никому не давала такого поручения.

Сестры замолчали, но это молчание было подобно опасно натянутой нити, которая вот-вот порвется. Селина повернулась, собираясь уйти.

– Я никогда и не ожидала услышать от тебя правду, – сказала она. – Ты всегда была враньей, Лиана. И к тому же трусихой.

Дрожащей рукой она открыла дверь и перед тем, как переступить порог, остановилась и бросила последний взгляд на сестру.

– Ты можешь сколько угодно притворяться, что не понимаешь, о чем я говорю, но я-то знаю, что ты все это спланировала. Я знаю, что ты сказала этому человеку, что хочешь

встретиться со мной здесь. Я думаю, ты много лет ждала этого момента, чтобы увидеть меня поверженной и униженной.

С этими словами Селина ушла, прежде чем Лиана успела хоть что-нибудь ответить.

В наступившей тишине Эрик пристально смотрел на Лиану, стоявшую в другом конце комнаты. Она одевалась. За ее спиной в окна смотрел Манхэттен – сплошная залитая светом стена из стекла и бетона.

– Куда ты собралась?

– За ней, куда же еще?

– Ты думаешь, что еще не довела дело до конца?

Он слез с кровати.

– Эрик, дело в том, что я ничего не делала.

Он с недоверием посмотрел на девушку.

– То, что Селина застала нас с тобой в постели, ты называешь «ничего не делала»? Ты что, вообще сбрендил?

– Если то, что она рассказала, правда, я выясню, как это произошло.

Она надела платье, краем глаза заметив спущенную петлю около молнии. Это сделал Эрик от нетерпения и спешки.

– Да ты знаешь, что ты уничтожила все шансы на наше совместное будущее, это ты понимаешь?

Лиана метнула в него свирепый, предупреждающий взгляд.

– Это делала не я, Эрик. Я все тебе сказала. И хватит об этом.

Она, сунув ноги в туфли, прошла мимо него к туалетному столику, намереваясь поправить прическу. Она должна поговорить с Селиной, она должна выяснить, кто передал ей это сообщение, она должна узнать его имя.

Расчесывая волосы, она внезапно подумала о том, что и вправду всегда хотела видеть свою сестру страдающей, но никогда не помышляла о том, чтобы причинить ей боль таким образом.

– Прости, – сказал Эрик. – Я знаю, что ты не имеешь к этому отношения. Дело в том, что...

– Твои извинения приняты, – прервала его Лиана.

Он был пьян, и она не хотела его слушать. Сейчас ей хотелось лишь одного: уйти из этой комнаты и как можно быстрее найти Селину.

– Но кто ей сказал? Кто знал, что мы здесь?

Она смотрела на его отражение в зеркале туалетного столика.

– Я пока не знаю, кто сказал ей об этом, но я намерена это выяснить.

Она повернулась перед зеркалом, радуясь, что изъян на платье незаметен под распущенными волосами.

– Я пойду с тобой, – вдруг объявил Эрик.

Посмотрев на него, Лиана увидела, что он уже натянул брюки. Остальные предметы его одежды лежали на стуле перед ним.

– Тебе надо оставаться здесь, – сказала Лиана. – Селина не сможет справиться с собой, увидев сейчас нас вместе.

Девушка направилась к нему. Как только она приблизилась, Эрик замахнулся и со всей силы ударил ее по лицу ремнем, который прятал за спиной.

Его удар застал Лиану врасплох, и она упала на пол. Кровь брызнула из носа и расщепленной губы, закапала на ковер. Прежде чем она смогла защититься или хотя бы понять, что произошло, Эрик сел на нее верхом и принялся, размахивая ремнем, осыпать ее градом ударов по бедрам, по плечам, по лицу и по груди. Платье разорвалось, когда она попыталась

сбросить мужчину с себя. От ее криков боли и призывов о помощи в комнате звучало громкое эхо.

– Ах ты, долбаная сучка! – орал он. – Ты же знала, что она для меня значит! И ты разрушила все, что было у нас с Селиной!

Замахнувшись ремнем, он снова ударил ее по лицу. Щека, на которую пришелся удар, сразу покраснела и распухла. Красные звездочки замелькали перед закрытыми глазами, Лиана почувствовала, что еще немного, и она потеряет сознание. Где-то в дальнем уголке мозга билась мысль о том, что его удары могут убить ее.

И тут Эрик ударил ее кулаком. Сильно. По губам.

Оглушенная и ошеломленная Лиана все-таки заставила себя думать. Если она попытается оказать ему сопротивление, он сделает ей еще больнее. Она пыталась пошевелить руками, но он придавил их к ковру коленями. И тут ее мозг отключился. Эрик с силой раздвигал ей ноги. Она чувствовала, как его руки задирают на ней платье и срывают с нее трусики. Его шарившие по ее телу пальцы больно царапали кожу.

Лиана боролась и уже готова была закричать, когда Эрик закрыл ее рот ладонью. Она почувствовала слабость, а ее нос ощутил резкую смесь запахов шотландского виски и крови. Ее крови.

Эрик прижался ртом к ее уху.

– Ты вспомни, – сказал он, прижимаясь к ее бедрам, – ты же всегда хотела этого.

И тут Лиана неожиданно расслабилась под ним. Эрик посмотрел на нее с таким удивлением, что невольно расслабился вместе с ней.

И вот тогда она нашла в себе силы на то, чтобы действовать.

Вложив всю силу в челюсти, она укусила его за руку и сбросила с себя прежде, чем он понял, что происходит. Ее сердце билось сильно и часто, Лиана практически утратила способность ориентироваться в пространстве, но все-таки с трудом встала на ноги. Дверь находилась в дальнем конце комнаты, и расстояние до нее было больше миллиона миль. Она бегом бросилась к двери.

Только бы хватило сил добраться до нее...

Эрик схватил ее за лодыжку; от неожиданности она потеряла равновесие. Комната завертелась перед глазами. Все кончено, мелькнуло в голове Лианы, когда, упав на ковер, она больно ударилась затылком.

Но Эрик не бросился к ней. Встав на ноги, мужчина вдруг осознал, что он натворил. Как он мог, потеряв контроль над собой, совершить такое? Что на него нашло?

Он посмотрел на Лиану. Та неподвижно лежала на животе, голова покоилась на согнутых руках. На ковре вокруг ее тела виднелись пятна крови. Тошнота подступила к горлу: неужто он мог так ее избить? Девушка лежала и не шевелилась.

Эрик посмотрел на часы. Сколько времени прошло с момента ухода Селины? Четыре минуты? Пять? Если бы она рассказала отцу о том, что увидела, он наверняка был бы уже здесь.

Его сознание все еще было затуманено алкоголем. Переступив через лежащую на полу Лиану, он запер дверь спальни и стал поспешно натягивать одежду.

Лиана выжидала. Прислушиваясь, она поняла, что Эрик одевается, и, чуть приоткрыв один глаз, посмотрела, что делается в комнате. Он, стоя перед туалетным столиком, заправлял рубашку и, глядя в овальное зеркало, быстро приводил себя в порядок. Он надел все, кроме ремня, который все еще был зажат в его руке.

Он посмотрел на Лиану. В какой-то момент их взгляды встретились, и словно океан ненависти разлился между ними. После недолгой паузы Эрик спокойным голосом объявил:

– У тебя есть два варианта: ты можешь привести себя в порядок и сделать вид, что ничего не произошло, или можешь прибежать к отцу и рассказать ему обо всем, – он подошел

к ней. Зажатый в руке ремень раскачивался подобно маятнику. – Но, поступив так, Лиана, ты сделаешь ошибку.

Паркер приблизился к ней, и Лиана, чувствуя к нему отвращения, попыталась отползти подальше. Ее глаза неотрывно смотрели на ремень, на котором еще виднелись пятна ее крови.

– Пошел вон, – с трудом произнесла она. – Я сейчас позвоню в полицию.

– Ты можешь делать все, что захочешь, – ответил Эрик. – Но запомни то, что я скажу: если ты действительно позвонишь в полицию или побежишь к отцу, я сделаю так, что ты в одно мгновение исчезнешь с этого света. Ты меня слышишь? Надеюсь, что слышишь. Потому, что это не пустая угроза. У меня есть деньги и есть кому поручить это дело. Если хоть что-нибудь случится со мной – ты труп. Как видишь, расклад очень простой.

Двери лифта распахнулись, и Селина торопливо вышла из кабины. Она пробиравалась сквозь толпу, не замечая пристальных взглядов, избегая вопросов и не останавливаясь ни на секунду. Она дошла наконец до двойной стеклянной двери на противоположном конце вестибюля. Завеса дождя словно висела над улицей, заливая окна и репортеров, стоявших на тротуаре. Она попросила у швейцара зонтик и, выйдя под ним на улицу, сразу же увидела того самого мужчину-охранника, который передал ей просьбу Лианы.

Заметив ее, он кивнул, и Селина подошла к охраннику.

– Вы уверены в том, что просьба, которую вы передали мне, исходила от моей сестры?

– Она сама сказала мне, что вы ее старшая сестра.

Селина во что бы то ни стало хотела быть уверенной, что он говорил именно с Лианой.

– Опишите мне ее.

– У нее длинные черные волосы, и она симпатичная. Да я и видел ее всего несколько секунд.

– Во что она была одета?

– По-моему, на ней было белое платье. Такое, в котором одно плечо открыто.

Селина отвернулась от охранника, чувствуя, что внутри у нее все оборвалось. Она уже хотела вернуться в вестибюль, как вдруг увидела отца, пробирающегося сквозь толпу к ней. Лицо его было мрачным.

– Надо поговорить, – сказал он.

Говорить с ним где-нибудь в другом месте она не хотела, но решила делать так, как он захочет, и пошла вслед за ним в укромное место позади водопада.

– Я только что говорил по телефону с РРК. Они встревожены тем, что произошло сегодня. И я думаю, что они хотят выйти из дела. А пока они ждут, что выяснит полиция.

– И?

– Если окажется, что существует хотя бы малейший намек на то, что эти прожектора были начинены взрывчаткой в знак протеста против нашего соглашения с «УэстТекс», они откажутся участвовать в финансировании. Ричардс говорит, что, если мы поглотим эту компанию на фоне того, что происходит на Ближнем Востоке, в СМИ поднимется настоящая буря.

– Может быть, поначалу, – предположила Селина. – Но когда публика поймет, что именно мы сделали, все обойдется наилучшим образом.

– Они в панике, – покачал головой Джордж. – Но они понимают, что до тех пор, пока «УэстТекс» не стала нашей, соглашение с Ираном – это просто кусок бумаги. Они чувствуют, что есть реальная возможность того, что корабли наших ВМФ не войдут в Персидский залив в назначенный нами день. Они собираются выйти из дела. Я это чувствую.

– Может, нам поискать кого-либо другого?

– Согласен. Завтра я встречаюсь с РРК за обедом. Если они разорвут наше соглашение, что ты думаешь насчет Теда Фростмана из Чейза?⁹

– Мне нравится Тед, – сказала Селина. – Он хороший парень. Думаешь, он согласится?

– Может быть. Вот только захочет ли он помочь нам? Я назначу встречу с ним на завтра.

– Может, стоит закончить прием? – предложила Селина. – Я хочу домой.

Джордж с удивлением посмотрел на дочь.

– Домой? Ты в порядке?

Если она расскажет ему о том, что случилось, вечер будет вконец испорчен.

– Сегодня был очень напряженный день, и я немного устала, – Селина повела взглядом поперх толпы. – Гости скоро разойдутся, прием закончится. Я поговорила со всеми, с кем было надо. Если ты не возражаешь, то я бы хотела на этом закончить рабочий день.

Когда она выходила из здания «Редман Интернэйшнл», по-прежнему шел дождь. Те репортеры, которых не пригласили внутрь, немедленно осыпали ее вопросами и принялись ее фотографировать. Она кивнула невысокому седоволосому швейцару, стоявшему под козырьком над входом, и они вместе поспешили к лимузинам, припаркованным у тротуара.

Репортеры неотступно следовали за ними; ее уход с приема записывался для показа в новостях. Было светло от вспышек. Сев на задний диван машины, Селина велела шоферу везти ее домой. Через пятнадцать минут она уже упаковывала вещи Эрика.

⁹ Имеется в виду Джей-Пи-Морган-Чейз (JPMorgan Chase) – один из старейших финансовых конгломератов; лидер в сфере инвестиционных и коммерческих банковских услуг; расквартирован в Нью-Йорке.

Глава 09

Наутро после приема, когда большинство людей еще нежились в постелях, Джордж Редман, приняв душ и побрившись, надел свой черный спортивный костюм. Перед встречей за обедом с РРК он решил сделать трехмильную пробежку в Центральном парке.

Выйдя из туалетной комнаты, он подошел к лежащей в постели жене. Ночью они занимались любовью, поэтому скрученные самым невообразимым образом простыни закрывали ее бледные ноги.

– Увидимся за завтраком, – прошептал он, наклоняясь и целуя ее в щеку. – Ты к этому времени встанешь?

Элизабет, пробормотав что-то во сне, приподняла голову с подушки и неловко ткнулась губами в его подбородок, отвечая поцелуем на его поцелуй.

– От тебя хорошо пахнет, – сказала она, поворачиваясь на бок. – Не забудь про подтягивания.

Джордж направлялся к лифту по длинному коридору. В квартире было тихо. Кроме Изадоры, семейной кошки, которая умывалась, сидя на столике из позолоченной бронзы, и его самого, все еще спали, что, в общем-то, было неудивительно, поскольку на часах было пять утра с минутами.

Он вошел в кабину лифта и нажал кнопку. Глядя на пролетающие мимо этажи, Джордж снова стал думать о том, как пройдет его встреча с РРК. Если они решат не участвовать в деле, он должен будет сразу обратиться к Теду Фростману в Чейз. Он уже зашел слишком далеко, чтобы прекратить переговоры с «УэстТекс».

Кабина сбавила скорость перед тем, как остановиться. Двери лифта раскрылись, и Джордж вышел в вестибюль, который, к его радости, почти принял свой обычный вид. Команда уборщиков, прибыв почти сразу после окончания приема, проработала практически всю ночь.

Джордж вышел из здания, взглянул на часы и, вспомнив указание жены, потянул ноги и двинулся по направлению к Центральному парку. Вскоре он уже бежал по его почти пустым дорожкам, размышляя о том, чего он достиг после окончания Гарварда.

Когда в 1977 году он окончил университет и переехал в Манхэттен, все его начинания здесь заканчивались неудачами. Не расположенные доверять новичку банки даже не рассматривали его заявки на получение кредита, предпочитая финансировать преуспевающих застройщиков, а не новоявленного бизнесмена. Джордж знал, что он может вернуться домой и работать под руководством отца, но это означало бы, что он ставит крест на своих мечтах. Поэтому он напрягал все силы, стараясь добиться успеха.

Но ничего не получалось. Казалось, чем усерднее Джордж трудится, тем чаще он терпит неудачи. Так продолжалось до осени 1977 года, когда дела его вдруг пошли на лад.

Луис Райан, его старый друг по университету, позвонил и рассказал о «Сосновых садах», жилом комплексе на тысячи квартир, который недавно был выставлен на торги, поскольку его владелец, заложив комплекс, оказался не в состоянии его выкупить. Как Джордж отнесся бы к тому, чтобы вступить с ним в партнерские отношения, поинтересовался Райан?

Первую ошибку Джордж сделал, согласившись принять предложение старого приятеля. Его второй ошибкой было то, что он скрепил сделку со своим новым партнером всего лишь рукопожатием. То, что поначалу казалось осуществлением его мечты, закончилось многолетней судебной тяжбой с Луисом Райаном, которую он, как ни печально, проиграл.

Через двадцать четыре минуты он завершил свою пробежку и, чтобы отдышаться, прислонился спиной к стволу вяза. Перед тем как покинуть парк, он потянул ноги. Город начал

оживать. Машины неслись по Пятой авеню, богатые вдовы и унылые домохозяйки выгуливали своих хорошо ухоженных собак, ведя их на витых кожаных поводках. Уже вставшее солнце заливало ярким светом ряды окружающих Центральный парк домов, и их фасады, облицованные известняковыми плитами, сейчас казались позолоченными.

Он купил «Таймс» в газетном автомате и, не взглянув на заголовки, сунул газету под мышку. Он направился к своему дому, возвышавшемуся среди окружающих его строений.

Даже сам его вид наполнял сердце Джорджа гордостью. Архитектура нового здания компании «Редман Интернэйшнл» была экстравагантной, в то время как здание на Мэдисон-авеню, где до этого размещалась компания, было обычным. Вместо положенных четырех прямых стен, стены нового здания были слегка наклонены назад, отчего оно как бы сужалось от основания до крыши, напоминая холм со склонами, покрытыми стеклом и камнем. Оно превосходило все построенное на Пятой авеню и, что самое главное, здание компании «Луис Райан Энтерпрайзис», стоящее в двух кварталах к югу.

Прежде чем войти в «Редман Интернэйшнл», Джордж остановился и посмотрел на здание Райана. Несмотря на прошедшие годы, он не мог смотреть в ту сторону без злости. До сего дня он помнил, как его бывший приятель утверждал в суде, что между ним и Джорджем никогда не было партнерских отношений. До сего дня Джордж помнил, как Райан, выступая в суде, называл его лжецом за то, что тот утверждал обратное.

* * *

В ожидании Майкла, встреча с которым была назначена на восемь часов, Луис Райан стоял у окна в угловом офисе, из которого была видна почти вся Пятая авеню и, сжимая заложенные за спину руки, мысленно проводил инвентаризацию своей империи.

Из этого окна он видел множество отелей, жилые и офисные комплексы, приобретенные им за прошедшие годы и строящиеся сейчас. Его гордостью был новый отель, возводимый на пересечении Пятой и 58-й авеню. Скоро он откроется и станет самым большим отелем в городе. Его сметная стоимость составляет почти тринадцать миллионов долларов.

Луис уже давно постиг науку контроля за уровнем затрат. Когда они работали вместе с Джорджем Редманом, тот прекрасно его этому обучил.

На южной границе Центрального парка Луису удалось приобрести земельный участок для постройки нового жилого комплекса. Снос двух зданий предвоенной постройки был завершен четыре недели назад; через неделю после этого был готов фундамент.

Он все еще смеялся над музеем Метрополитен¹⁰, обратившимся к нему с просьбой передать в дар четыре рельефные фрески в стиле ар-деко, украшавшие фасады каждого сенного здания. Сначала Луис согласился, так как не видел причины ответить отказом. Тем более пресса похвалит его за это, а бесплатная реклама строящимся домам не повредит. Но, узнав, что аккуратная выемка фресок потребует нескольких недель, не говоря уже о затратах сотен тысяч его личных долларов, Луис дал команду сносить дома, не обращая внимания на фрески, не желая тратить деньги и время на то, что в его понимании было ничего не стоящей мазней.

Он отошел от окна и направился к письменному столу. В его просторном кабинете было множество вещей, которых у него никогда не было в детстве.

Он родился в Бронксе, в бедной рабочей семье. Сейчас он стоял перед свадебной фотографией родителей, висевшей на противоположной стене. На ней мать сидела на обитом красным бархатом стуле, ее руки были сложены на коленях, на губах чуть заметная улыбка.

¹⁰ Metropolitan Museum of Art – самый знаменитый музей Америки, где собраны богатые коллекции европейской живописи, египетского и греческого искусства. Расположен на Пятой авеню в районе 82-й улицы.

Она была в простом, цвета слоновой кости свадебном платье, в котором до нее выходили замуж ее мать и бабушка. На этом фото ей было семнадцать лет, и Луису она казалась красивой.

Стоящий позади нее мужчина был Ником Райаном. На нем был костюм – один из немногих, что он купил в течение всей своей жизни. Костюм был синим и на несколько размеров больше, чем требовалось для его тощего тела, но улыбка на его лице и то, как гордо он держал голову, заставляли смотреть не на одежду, а на самого мужчину.

Как жаль, что его родители не могут увидеть, каких успехов он достиг. Осенью 1968 года Ник Райан был убит во Вьетнаме. В тот день, когда Луис узнал о смерти отца, он сразу определил свою собственную судьбу. В тринадцатилетнем возрасте он понял, что теперь обеспечивать семью должен он и что теперь все для него будет не так, как прежде. В то время как его мать трудилась в прачечной, да еще подрабатывала на стороне шитьем, Луис работал по сорок часов в неделю, моя посуду в «Каппучилли» – итальянском ресторане, расположенном в их квартале. В школе он был отличником. Вместе с матерью он планировал их семейный бюджет так, чтобы отложить что-то на будущее, в которое они смотрели без оптимизма.

Мать и сын представляли собой непобедимую команду. Ему исполнилось восемнадцать лет, и через несколько дней после того, как Гарвардский университет предложил ему полную стипендию, мать заболела. Она постоянно чувствовала усталость. На шее появились узлы и какие-то затвердения. Ее мучили боли в суставах.

– Я теряю в весе, Луис. И у меня стул с кровью.

Он отвез ее в больницу. Врач был грубым, холодным и откровенным. Осмотрев Катерин, он отвел Луиса в сторону.

– У твоей матери дырки в костях, – сказал он. – У нее рак. Его не вылечить. Ей потребуется госпитализация, но лишь для того, чтобы обеспечить ей хоть какие-то удобства. Но это будет дорого. У вас есть страховка?

– Страховки у нас нет, – ответил Луис, глядя в глаза врача твердым взглядом. – Но у нас есть деньги, так что лечите ее как положено.

Его жизнь превратилась в ад. Времена были нелегкими, больницы были переполнены. Мать поместили в палату с тремя другими женщинами, все они цеплялась за жизнь из последних сил, но жизнь упрямо вытекала из них. Луис не мог забыть тех дней, когда мать лежала в больнице, – он трудился на трех работах, и только поэтому мог оплачивать счета, да и то на пределе возможного. Он практически не спал, для того чтобы проводить время с женщиной, которая уже перестала походить на его мать, держать ее за руку – он знал, что она боится смерти и тоскует по мужу.

Он помнил нескончаемый поток специалистов, вводящих один яд за другим в ее тело, которое и без того было смертельно отравлено. Он видел, что мать уходит от него. Ее кожа постепенно становилась слишком большой для ее тела. Житейский опыт, полученный в этот период, закалил Луиса. Заставил его по-иному смотреть на вещи.

В конце первой недели пребывания в больнице Катерин, ослабленная химиотерапией, разрушающей ее организм, протянула руку и положила ладонь на колено сына. Ее голос звучал необычно сильно, глаза горели решимостью, говорила она спокойно и отчетливо:

– Я знаю, о чем ты думаешь, – обратилась она к Луису. – Но школу ты не бросишь. Об этом я и слышать не хочу.

– Мама...

– Выслушай меня, Луис. Если ты не добьешься успеха, считай, что моя жизнь прошла впустую. Бог дал тебе эту стипендию, а мне – этот рак. Он возьмет меня, но Он не отнимет у тебя эту стипендию. Осенью иди в школу. Ты добьешься успеха.

– Но счета...

– ...сами позаботятся о себе.

Ее лицо смягчилось. Глаза были затуманены лекарствами, и теперь их цвет казался таким же серым, как цвет четырех окружающих их стен.

– Неужели ты не видишь? – спросила она, сжимая его колено. – Неужели ты не видишь, кем ты станешь?

Она умерла за три недели до начала занятий в Гарварде. Вечером перед смертью она шепотом сказала ему:

– Я хочу, чтобы меня кремировали. Если я умру, этот рак умрет вместе со мной. Я не позволю ему пожирать и дальше мое тело. Я хочу, чтобы меня сожгли. Это мое последнее желание.

Он исполнил ее волю и рассеял ее прах в парке в северной части Нью-Йорка, где родители гуляли с ним, когда он был маленьким. Именно тогда он поклялся себе в том, что завоеует мир бизнеса, чего бы это ни стоило. Он поклялся в том, что станет лучшим из лучших.

Все его внимание и силы были сосредоточены на этом, пока, будучи первокурсником в Гарварде, он не встретил Энн.

Однажды он шел домой после занятий, когда вдруг его ухо уловило что-то похожее на женский крик и лай собак. Из любопытства Луис остановился и прислушался. В следующий момент он подумал, что услышанные им звуки не что иное, как шум движения транспорта и скрежет голых веток деревьев, гнувшихся под сильным мартовским ветром.

Но вдруг стая из семи собак выскочила из-за угла прямо ему под ноги и, едва не сбив, устремилась в направлении Кембриджа. Луис повернулся и стал наблюдать, как собаки понеслись вперед, таща за собой спутанные между собой дорогие кожаные поводки.

А потом он увидел ее.

– Ради бога! – кричала выбежавшая из-за угла молодая женщина. – Помогите мне их поймать!

Луис бросился на выручку. Девушка с трудом дышала, щеки ее пылали, длинные черные волосы разметались по плечам. Луис собирался спросить ее, как собакам удалось вырваться, когда девушка вдруг остановилась и поднесла обе руки ко рту. Визг шин резанул по ушам. Похоже, причиной была собака, устремившаяся вслед за своими друзьями, но не поспевавшая за сворой.

– Быстрее! – закричала девушка.

Они снова побежали, на этот раз быстрее. Мозг Луиса лихорадочно работал.

– Они все привязаны к одному поводку? – спросил он.

– Да!

Он бежал рядом с ней. А она хорошенькая, пришло ему в голову.

– Я побегу на ту сторону улицы и встану у них на пути. А вы гоните их на меня.

Глаза у девушки расширились.

– А как?

– Не знаю. Встаньте перед ними, помашите руками. Когда они приблизятся, я ухвачусь за поводок, и они снова станут вашими. – Он посмотрел на другую сторону улицы и указал на группу деревьев. – Я буду там.

– Так легко это не получится.

– Получится, – заверил девушку Луис. – Пошли.

Он стал переходить улицу.

– А ведь я даже и не знаю, как вас зовут, – сказал он. – Я – Луис Райан.

– А я – Энн Робертс, – представилась она и снова побежала. – Обещаю, если мы поймем этих собак, вы об этом не пожалеете!

В тот вечер за ужином Энн рассказала Луису, что выгуливала этих собак для того, чтобы заработать денег на учебу в колледже. Сейчас, вспоминая тот день и все, что за ним

последовало, он представлял себе, что она не умерла и что все идет так, как должно было бы идти, не сломай Джордж им жизни. Но потом, как это бывало всегда, Луис вспомнил тот снежный февральский вечер – накануне суд оставил без удовлетворения последнюю апелляцию Джорджа – и все то, что он вспоминал до этого, буквально рушилось и разбивалось вдребезги.

Вытянув руку, он взял со стола фотографию Энн. Когда умирала его мать, он был бес- силен ей помочь. Ее смерть он воспринял как свою собственную судьбу. Но тот, кто виновен в смерти его жены, должен быть наказан. Эту смерть Луис Райан не считал неизбежной.

В течение многих лет Луис рисовал в своем воображении, как Джордж Редман уби- вал его жену. В течение многих лет он представлял себе, какой радостью для него было бы лишиться этого человека женщины, которую Райан считал своей самой большой любовью. Но по прошествии времени он, размышляя об убийце Энн, понял, что раз Редман так сильно любит свою жену, то должен испытывать подобные чувства и к «Редман Интернэйшнл», и к своей дочери Селине.

Они олицетворяли собой его жизненные успехи и до поры не беспокоили Луиса. Но вот теперь, когда дочь Редмана и его многопрофильная компания оформились окончательно и стали главными ценностями его жизни, Райан пробудился. Для того чтобы заставить Ред- мана почувствовать такую же боль, которую он сам испытывал все эти годы, Луис должен лишиться этого человека всего и не останавливаться до тех пор, пока окончательно не удовле- творит жажду мести.

В дверь его офиса постучали. На часах было всего половина восьмого. Майкл должен явиться к нему через полчаса.

– Войдите, – сказал он.

Дверь раскрылась, и в офис вошла его секретарша Джуди. Увидев, что он держит в руках фотографию жены, она остановилась в нерешительности, вспомнив, как несколько лет назад, войдя к нему без вызова и застав его с фотографией жены в руках, увидела в его глазах слезы. Джуди быстро повернулась, чтобы уйти.

– Простите, – извинилась она. – Я вошла уточнить кое-что по работе. Джим сказал, что вы уже на месте.

В одной руке она держала свежий номер «Нью-Йорк таймс», а в другой чашку кофе, над которой поднимался пар.

– И собиралась оставить вам это, – добавила она.

Отложив фотографию Энн, Луис заставил себя улыбнуться.

– Напомните мне увеличить вам жалованье, – сказал он. – Вы принесли именно то, что мне сейчас необходимо. Входите.

– Я думаю, в этой газете вы найдете кое-что интересное, – объявила она, подходя к его столу.

Джуди была привлекательной женщиной в возрасте между сорока и пятьюдесятью, с коротко подстриженными белокурыми волосами и массивным носом. Она работала у Луиса почти двадцать лет и разбогатела благодаря незаменимому и очень ценному качеству – она умела хранить секреты.

– Особенно на первой полосе и в разделе «Бизнес».

Луис озадаченно посмотрел на нее.

– Что именно?

Джуди поставила перед ним чашку кофе.

– Вот это, – ответила она, передавая ему газету, на первой полосе которой была фото- графия нового здания Редмана.

Небоскреб компании «Редман Интернэйшнл» с одним из взорвавшихся прожекторов – фото обгорелого прибора крупным планом на фоне здания. Заголовок, напечатанный во всю ширину страницы, гласил: «ДЕНЬ ВЗРЫВОВ ДЛЯ ДЖОРДЖА РЕДМАНА».

Прежде чем Луис смог прореагировать на увиденное фото, Джуди, открыв рубрику «Бизнес», добавила:

– И посмотрите на это.

Напечатанный крупными буквами заголовок сообщал: «СТОИМОСТЬ АКЦИЙ РЕДМАНА ПРОДОЛЖАЕТ ПАДАТЬ; ПЛАНЫ ПО ПОГЛОЩЕНИЮ «УЭСТТЕКС» ПОДТВЕРЖДАЮТСЯ».

Луис бегло пробежал публикацию под заголовком, потом, вернувшись на первую полосу, прочитал о прожекторах, которые Винсент Спокатти начинил взрывчаткой. Закончив чтение, он поднял глаза на Джуди.

– Мне кажется, сегодня тоже будет тяжелый день.

Глава 10

Майкла Арчера разбудил резкий треск выстрела и истошные крики людей, донесшиеся с улицы.

Испуганный, он сел на кровати и лицом к лицу оказался со своим лучшим другом Руфусом, охотничьим псом с золотистой шерстью, который постоянно был с Майклом в течение четырнадцати лет. Держа в зубах изгрызенную по краям пластиковую тарелку, пес сидел у самой кровати.

Майкл снова лег на матрас и закрыл глаза. Уже рассвело, утро было сырым и теплым. Повернувшись на бок, он смотрел на то, что стало его единственным домом – непомерно дорогие однокомнатные апартаменты на Б-авеню. Здесь пахло, как в сортире, и помещение было заставлено коробками, присланными со всех концов света.

Руфус ткнулся носом в его руку, Майкл встал и, проходя мимо окна, осторожно выглянул в него. Внизу на тротуаре небольшая группа людей обступила женщину, лежавшую лицом вниз. Вокруг ее головы разливалась лужа крови. Почти у всех обступивших ее людей в руках были мобильные телефоны: одни фотографировали, другие куда-то звонили. Добро пожаловать в этот долбаный Нью-Йорк, подумал он.

Взяв у Руфуса миску, Майкл насыпал в нее сухого собачьего корма. Наблюдая за тараканами, бегаящими по столешнице, писатель не мог не усмехнуться иронии ситуации, из-за которой он вынужден жить в этой помойке.

В свои тридцать четыре года он был одним из самых могущественных и влиятельных людей Голливуда. Его фильмы приносили миллионные кассовые сборы, он написал шесть романов, четыре из которых экранизировал, выступая в качестве продюсера и исполнителя главных ролей. Публика воспринимала его не только как прекрасного актера и писателя, но также и как уважаемого бизнесмена. Посредством своих романов и фильмов он вводил своих почитателей в иной мир, предоставляя им желанное убежище. Он был их кумиром, их сияющей звездой. Он был непобедимым.

Но они сильно заблуждались.

Его почитатели знали только то, что Майкл Арчер позволял им знать. А потому они не могли знать, какую жизнь он вел и какой опасности подвергался.

Тревожные сигналы он поначалу воспринимал как напоминания о каких-то мелочах. После очередной крупной покупки его импресарио и бухгалтеры звонили ему и советовали умерить расходы.

– Вы ведете себя как правительство, – говорили они ему. – Помните, даже у вас существуют пределы финансовых возможностей.

Слушая их, Майкл согласно кивал, но почти сразу забывал их предостережения, а вместо этого вспоминал, как он начинал в Голливуде, когда денег было настолько мало, что он был счастлив, если ему удавалось поесть хотя бы один раз в день. Тогда у него не было ни виллы в Италии, ни особняка в Бостоне, ни поместья в Беверли-Хиллз. Тогда Майкл жил в убогой квартирке в западном районе Лос-Анджелеса и не думал ни о чем, кроме как о еде и поисках любой работы.

Чтобы изгнать из памяти воспоминания об этих днях, Майкл окружил себя роскошью, часто тратя за неделю больше, чем многие люди зарабатывали за год. Он никогда не предполагал, что его банковские счета вдруг окажутся пустыми. Пока это не стало реальностью.

Он уже две недели отдыхал на фешенебельном курорте в Каире, когда ему позвонил его импресарио и сообщил, что банк собирается наложить арест на все три принадлежащие ему дома. А также и на «Феррари», «Ламборджини» и обе яхты.

Это известие повергло его в шок.

– Если до нынешней среды вы не внесете в банк два миллиона долларов в счет покрытия ваших долгов, все перечисленное будет у вас отобрано.

– До среды? – едва смог переспросить Майкл. – Так это же всего через три дня.

– Мы же предупреждали вас, Майкл. Так что это не сюрприз.

– А какой же у меня выход?

– В данный момент? У вас два выхода.

– И какие же?

– Вы можете обратиться к своему отцу.

– Даже и не предлагайте.

– Или вы можете попробовать сыграть.

– Да у меня и денег нет, – ответил Майкл. – Или вы забыли?

– Вы можете их одолжить, – сказал импресарио. – Один из моих друзей управляет казино «Аура» в Вегасе. Я могу оказать вам любезность, позвонить ему и сказать, что вы в уик-энд приедете и что он ничем не рискует, предоставив вам заем.

– А если я проиграюсь и не смогу вернуть этой суммы?

– Вот тогда у вас действительно будут неприятности. Но это только предложение, Майкл, и не такое, на которое надо с легкостью соглашаться. Вам следует обратиться к отцу. Я рекомендую вам сделать это, а не пускаться в игру.

Но Майкл выбрал второе.

Как и обещал ему импресарио, деньги ему одолжили без проблем. А вот возвращать долг – это была проблема. Майкл, проведя несколько часов за одним из столов в казино, за которым играли в очко, проиграл все. Теперь он задолжал Стефано Сантьяго, хозяину казино и *capo di capi*¹¹ одного из самых мощных европейских «Синдикатов», более 900 тысяч долларов. Это были кровавые деньги, и Майкл знал, что, если он не расплатится с Сантьяго в назначенный срок, этот человек живым его не оставит.

Вскоре раздался первый угрожающий звонок от одного из людей Сантьяго. На следующий день он был уже в самолете, летящем на восток к Манхэттену, где он встретился со своим отцом впервые за почти шестнадцать прошедших лет.

Увидеть отца после столь долгой разлуки тоже было для него непросто. С тех пор как Майкл покинул дом, Луис постарел, поседел, растолстел – однако все еще был полон сил. Сидевший за своим письменным столом и облаченный в черный шелковый костюм, Луис через всю комнату смотрел на сына. Его глаза, такие же черные и так же критически смотрящие на все, остались такими же, какими Майкл их запомнил. В присутствии отца ему стало неловко. Луис всегда был способен одним своим взглядом дать ему понять, что он думает о нем как о неудачнике и посредственности.

С неохотой Майкл рассказал отцу о затруднительном положении, в котором оказался. Луис ответил, что обо всем позаботится, но тон его голоса дал понять: он предполагает получить за эту услугу кое-что взамен.

Теперь Майкл знал, что дело каким-то образом связано с врученными ему фотографиями Лианы Редман и его появлением прошлым вечером на приеме у Редманов. Он догадался, что существовала какая-то причина для того, чтобы отец требовал его встречи с Лианой, и это его беспокоило. Его отец никогда ничего не делал без причины.

Взглянув на часы, Майкл решил, что у него еще есть время распаковать кое-какие вещи перед тем, как отправиться на встречу с отцом. Он сел перед Руфусом, который ткнул носом ему в руку, и подвинул к себе коробку с надписью «ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ». Первым, что он

¹¹ *Capo di capi* – производное от итальянского термина «*il capi du tutti capi*» – «босс всех боссов». Эвфемизм для мафиозного главаря.

вытащил из коробки, оказался, по иронии судьбы, его первый роман, в свое время ставший бестселлером.

Майкл провел рукой по выцветшей пыльной суперобложке и вспомнил о том времени, когда начинал писать эту книгу. Ему было восемнадцать. На автобусе, идущем в Голливуд, он убегал от отца. Накануне вечером они сильно поссорились, и Майкл решил, что, как бы трудно в дальнейшем ему ни пришлось, он никогда не будет жить вместе с отцом. С этой мыслью он и уехал. Даже сейчас, по прошествии всех этих лет, Майкл помнил, чем кончилась их ссора. Луис сказал ему, что не любит его и раньше никогда не любил. Он сказал, что лучше бы умер Майкл, а не его мать.

Майкл отшвырнул книгу в сторону и продолжил рыться в коробке. Когда он вынул из нее следующую вещь, послышался слабый звон стекла. Сердце у него упало. Он понял, в чем дело, еще до того, как вытащил завернутую в несколько кусков газеты вещь и разорвал обертку. Это был вставленный в рамку фотопортрет его матери Энн. Этот портрет он хранил и берег с тех пор, как ему исполнилось три года. Осколки разбившегося стекла впились в ее лицо.

Майкл задумчиво разглядывал портрет, когда в его дверь постучали. Он отложил фотографию, перевел взгляд на часы, затем на Руфуса. Его печальный взгляд встретился с его и как бы сообщил хозяину, что он тоже знает о том, что они никого не ждут. В дверь снова постучали, на этот раз громче, а через некоторое время послышался шум удаляющихся шагов.

Майкл, быстро пробравшись через кучу коробок, открыл замок, распахнул дверь и, выйдя в коридор, чуть не упал, натолкнувшись на искусно и аккуратно упакованную корзину, стоявшую у него под ногами.

Оказавшись в полутемном коридоре, он насторожился, но не услышал ничего, кроме голоса соседа, который снова ругал своего ребенка. Он чувствовал чье-то присутствие и понимал, что за ним следят. Он снова зашел в свою безопасную квартиру, запер на засов дверь и стал ждать.

Время, казалось, остановилось. Сосед продолжал кричать, а затем из дальнего конца коридора послышалось лязганье металла о металл – это открылась дверь лифта, и кто-то вошел в кабину.

Дверь лифта захлопнулась и через короткое время кабина начала шумно и неторопливо спускаться.

Майкл открыл дверь и стремглав бросился по коридору, надеясь увидеть того, кто был в кабине лифта. Но к тому моменту, когда он добежал до лифта и прильнул к сетке ограждения, кабина уже была внизу, почти невидимая в полутемной шахте.

Некоторое время он постоял у лифта, прислушиваясь к слабому завыванию полицейских сирен. Только сейчас полиция прибыла разбираться с пострадавшей. А может быть и меня убьют так же, мелькнула мысль у него в голове. Может быть какой-то незнакомец неожиданно вытащит пистолет и одной метко выпущенной пулей успокоит меня навеки.

А может, они приготовили для меня что-то другое?

Он вернулся в квартиру, прихватив оставленную у двери корзину. Она была так плотно обмотана листами красного целлофана, что он смог увидеть, что в ней, только после того, как размотал все листы. Руфус тыкался носом ему в ноги, Майкл потрепал его по спине, как бы заверяя своего друга в том, что все хорошо, хотя сам отлично сознавал, что дело обстояло совсем не так.

Успокаивая себя, Майкл один за другим разматывал скользкие листы целлофана, отбрасывая их в сторону.

Внезапно из корзины вырвался тошнотворный гнилостный запах, мгновенно распространившийся по всей квартире. Майкл, прикрывая нос и рот тыльной стороной ладони,

отступил на шаг назад. Из корзины вырвался рой фруктовых мух, настолько плотный, что походил на пыльное облако. Корзина была наполнена гнилыми сливами, мягкими, коричневыми и покрытыми плесенью; яблоками, сгнившими до самой сердцевины; бананами, почерневшая кожа которых кишела червями.

Майкл понял, кто прислал ему все это, еще до того, как заглянул в конверт, привязанный к сплетенной из ивовых прутьев ручке. В конверте была записка, напечатанная четким шрифтом. «Три недели, мистер Арчер. Столько пролежали эти фрукты, и именно столько времени мы даем вам на то, чтобы вы посетили нас и принесли с собой наши деньги. Но теперь сумма долга возрастет до одного миллиона. Пожалуйста, решите вопрос с деньгами. А иначе нашему великодушию придет конец и вы составите вашей матушке компанию, которая ее совсем не обрадует».

Дрожа всем телом, Майкл скомкал записку и отшвырнул ее в сторону. Он никогда не говорил никому о смерти своей матери, а эти люди каким-то образом узнали об этом. Но как? И как они узнали, где я живу? Ведь я только что прибыл сюда.

Он посмотрел на часы и вздрогнул – было уже половина восьмого. Отец велел ему быть у него ровно в восемь. Майкл, выбежав из квартиры и захлопнув за собой дверь, понял, что опоздание на эту встречу может стоить ему жизни.

Глава 11

Солнце зашло за тучу, погрузив в тень весь Манхэттен и сделав лицо Луиса Райана пепельно-серым.

– Я хочу рассказать тебе о смерти твоей матери.

Майкл выпрямился на стуле. Они были вдвоем в кабинете отца. Луис сидел за письменным столом, Майкл расположился перед ним. Он думал, что Луис будет говорить о Лиане Редман и о приеме, на который направил его прошлым вечером, но уж никак не о матери.

– Почему?

– Есть кое-что, чего ты не знаешь.

– И что именно?

– Многое. – Луис повернулся на кресле. – Но прежде, чем я начну, я хочу сказать тебе кое-что. Я понял, что мне следовало рассказать тебе об этом много лет назад, когда ты стал достаточно взрослым, чтобы это понять. Возможно, ты знал бы, через что мне пришлось пройти за эти тридцать один год, и тогда, быть может, сейчас мы были бы ближе друг другу, как это подобает отцу и сыну. – Луис сделал попытку улыбнуться, но из этого ничего не вышло: его глаза излучали печаль, навсегда поселившуюся в его душе. – И я был бы этому рад.

Майкл удивленно поднял брови. Для него это было ново.

– Ты помнишь, отчего умерла твоя мать?

– Она погибла в автомобильной аварии.

Луис отошел к стене, расположенной справа от окна, откуда ему было видно, как рабочие снимают красную ленту, опоясавшую по центру здание компании «Редман Интернэйшнл».

– Это не была автомобильная авария. Твоя мать была убита. Это совершил Джордж Редман и сделал это с особой жестокостью.

Майкл не мог понять, о чем говорит отец. Внезапный шум в ушах заглушил слова его отца, он с трудом слышал то, что говорил Луис.

– ... Джордж и я дружили, когда учились в Гарварде...

– ... мой партнер в реализации проекта «Сосновые сады»...

– ... Да, я признаюсь, что солгал суду. Я даже признаюсь, что воспользовался средствами Джорджа. Но я рос в бедности. А в распоряжении Джорджа были все деньги мира. Единственной причиной, по которой я просил его стать моим партнером, было то, что я рассчитывал на поручительство его отца при получении нами кредита. Когда я понял, что один смогу купить «Сосновые сады», я сделал это, и поэтому он подал на меня в суд...

Майкл закрыл глаза. Он не верил своим ушам.

– В течение многих лет Джордж пытался вернуть свою долю, вложенную в «Сосновые сады». В течение многих лет он пытался доказать, что мы состояли в партнерских отношениях. Я отказался вернуть ему хотя бы малую часть вложенных им средств. – Луис ненадолго замолчал. – Это решение стоило твоей матери жизни.

Майкл поднял глаза на отца, он весь обратился в слух.

– Твоя мать была убита через два дня после того, как последнюю апелляцию Редмана суд оставил без удовлетворения. Был поздний вечер, и шел снег. Она возвращалась домой от своих друзей, когда Джордж из пистолета прострелил шины ее автомобиля. Твоя мать потеряла контроль над машиной. Скользя по снегу, она рухнула с моста недалеко от нашего дома. С высоты семидесяти футов. У нее не было ни малейшего шанса...

Майкл смотрел на лицо отца в поисках любого, пусть даже самого незначительного, признака того, что все сказанное им ложь, но не нашел ничего похожего. Было ясно, что отец говорил правду. Майклу стало больно, словно стреляли в него.

– Я не мог доказать этого, – продолжал Луис. – Но я знал, что стрелял он. Джордж Редман убил мою жену, твою мать. В тот момент, когда я узнал, что шины ее машины спустили, потому что были прострелены из пистолета, я понял, что это Джордж Редман спустил курок.

– А как ты это узнал?

– Помимо того, что у него был явный мотив отомстить мне, Джордж Редман исключительно меткий стрелок. Однажды, когда мы еще учились в колледже, он взял меня с собой на яхту своего отца и продемонстрировал мастерство стрельбы по тарелочкам. Несмотря на качку, Джордж почти ни разу не промазал. Но он был ловким хитрецом. Он избавился от оружия, которым прострелил шины, и состряпал себе алиби. На допросе в полиции он заявил, что в тот вечер, когда была стрельба, был с дочерью судьи Уильяма Кренстона, Элизабет Кренстон. Теперь она Элизабет Редман. Я не знаю, как он это сделал, – продолжил Луис, – но Элизабет тоже солгала ради него. Когда ее допрашивали в полиции, она подтвердила слова Джорджа, и его исключили из списка подозреваемых. Спустя неделю полиция подтвердила, что в лесу по обе стороны моста охотились браконьеры. Они сообщили, что пущенная ими шальная пуля угодила в шину автомобиля твоей матери. Несмотря на давление с моей стороны и целую команду адвокатов, дело не было направлено на дополнительное расследование, и Джордж вышел сухим из воды.

Казалось, что непониманию между сыном и отцом, длившемуся все эти годы, пришел конец. Теперь Майкл знал, почему отец никогда не говорил с ним о смерти Энн; почему он раздражался, даже когда речь случайно заходила об этом; понял, почему он, Майкл, не присутствовал на похоронах матери; понял, почему настроение отца так часто менялось, и вспомнил те вечера, когда, будучи ребенком, он слышал, как Луис плачет навзрыд в своей спальне. Теперь ему все стало понятно.

– Почему ты не рассказал мне об этом с самого начала? – спросил он.

– На это было много причин, – ответил Луис. – Но основная причина заключалась в том, что я не хотел травмировать твою душу. Ведь когда Энн погибла, ты был еще ребенком. Ты почти не знал ее. Ну как я мог объяснить тебе, что он сделал с твоей матерью? Будь ты на моем месте, ты стал бы рассказывать своему трехлетнему сыну о том, что его мать убили? Взял бы ты его на похороны матери, зная, каким потрясением будет для него видеть все это? Думаю, ты поступил бы так же, как я. К тому же ты бы ничего тогда и не понял.

– Но ты ведь мог рассказать мне об этом, когда я стал старше.

– Ты прав, – кивнул Луис. – И я собирался сделать это. Но всякий раз, когда я уже было решал, что время пришло, я не мог найти подходящих слов. Я не мог сказать, что твоя мать была убита. Мне и сейчас трудно говорить об этом. Поэтому я позволил тебе жить спокойно, не зная правды. Я понимаю, что ты видишь все это не так, как я, но в известной мере я уберег тебя от той злости, которая не оставляет меня все эти годы.

– Ну а почему ты рассказываешь мне об этом сейчас?

Луис подошел к своему столу и потянулся к пачке сигарет, лежащей рядом с портретом Энн. Взяв сигарету и чиркнув зажигалкой, он выдохнул облачко голубого дыма.

– Потому что время пришло.

Он протянул Майклу газету, которую утром принесла ему секретарша. Пока Майкл читал о недавнем резком падении курса акций «Редман Интернэйшнл», Луис говорил:

– Тридцать один год назад я был не в состоянии разделаться с этим негодяем за то, что он сделал с твоей матерью. А теперь, при самом низком курсе его акций, у меня наконец появились деньги и силы на то, чтобы закопать и его и всю его семейку. Они все заплатят за то, что Джордж Редман сделал с твоей матерью. Но мне нужна твоя помощь.

Не успев отреагировать на слова отца. Майкл бросил взгляд на первую полосу газеты, где была напечатана фотография разбитого прожектора перед зданием «Редман Интернэйшнл». Какой-то момент он просто смотрел на нее, его мозг устанавливал связи, о самом существовании которых он и не подозревал. Посмотрев на Луиса, он сказал:

– Это ты начинил прожектора взрывчаткой.

– Скажем, я сделал так, чтобы это произошло.

– Но ведь ты чуть не убил человека.

– Не того, кого было надо, Майкл. Джордж Редман все еще жив.

Майкл бросил газету на письменный стол.

– И ты собираешься его убить, так?

– Это предусмотрено в моем плане. Но есть еще многое, что необходимо сделать до этого дня, и, когда этот день настанет, курок спущу не я. Это сделаешь ты. И ты сделаешь это во имя своей матери. Разумеется, если ты все еще хочешь, чтобы я заплатил Сантьяго.

Так вот почему отец согласился помочь ему. Майкл покачал головой: его переполняли разочарование, злость и боль. Неужто этот человек не может один-единственный раз помочь собственному сыну? Не может всего один раз совершить правильный поступок?

Отодвинув назад стул, Майкл встал.

– Я могу быть кем угодно, но только не убийцей.

Луис сжал челюсти.

– Ты бы лучше еще раз подумал над этим, Майкл. А то, гляди, сам станешь жертвой, – он посмотрел на лежащий под стеклом календарь. – Сколько времени Сантьяго дал тебе на то, чтобы прийти к нему с деньгами? Две недели? Месяц? А ведь время-то идет.

– Я найду другой способ достать деньги.

Луис с силой вдавил сигарету в пепельницу.

– Ну кого ты дурачишь? Если бы ты мог обратиться за деньгами к кому-либо другому, ты бы давно это сделал. Придя ко мне, ты тем самым показал, что я твоя последняя надежда.

Пошарив в ящике письменного стола, он достал чековую книжку.

– Если тебе нужна моя помощь, я готов, но только в том случае, если ты поможешь мне исправить ошибки прошлого.

Майкл хотел что-то сказать, но, решив, что любые слова бесполезны, молча пошел к двери. Прежде чем выйти из комнаты, он остановился и посмотрел на отца. Глаза Луиса были такими же холодными, такими же жесткими, как и то молчание, что воцарилось в комнате.

– Если Джордж Редман действительно сделал то, о чем ты рассказал, он действительно должен заплатить за то, что убил маму. Но для этого существуют другие способы. Существует закон, черт подери...

Луис поднял руку.

– Не говори мне об этом, Майкл. Скажи это своей матери. Именно ей ты и должен объяснить это, а не мне.

Только его отец мог сделать его проблему еще более неразрешимой, чем она была на самом деле.

– Я не убийца.

– Но твою мать убили. Так почему бы тебе им не стать? Каждый из нас мог бы это сделать.

Майкл вышел из комнаты.

Когда дверь за ним закрылась, Луис потянулся к телефону, стоящему на письменном столе, и набрал номер. Майкл узнает почем фунт лиха, и даже скорее, чем думает.

– Винсент, это Луис, – он посмотрел на портрет своей жены. Он давно поклялся, что они с Майклом отомстят за нее. Майкла надо лишь слегка подтолкнуть. – У меня есть для тебя еще одна работа, но ты должен поспешить.

Когда Майкл, поднявшись по лестнице на шестой этаж, увидел, что дверь в его квартиру полуоткрыта, его охватило дурное предчувствие.

Он сразу подумал о Руфусе. Если в квартире находился кто-то посторонний, то почему собака не лает? Может быть, этот незваный гость уже ушел? Майкл, подходя ближе, терялся в догадках.

Внимательно осматривая коридор, он медленными шагами подходил к двери. Чувства его были обострены до предела. Рядом с грузовым лифтом валялась пустая винная бутылка – Майкл поднял ее и покачал в руке. Бутылка была тяжелой и прочной. Ею можно было раздробить челюсть, сломать кости, нанести глубокие порезы.

Проходя мимо двери смежной квартиры, расположенной справа от его жилища, он снова услышал плач ребенка и раздражающий рев телевизора, включенного на полную мощность. Записанный на пленку смех проникал сквозь тонкие грязно-серые стены – Эдит Банкер кричала на Арчи¹².

Майкл остановился перед дверью своей квартиры и прислушался – ни звука. Ему не оставалось ничего, как только удивляться. Отведя назад ногу и сжав в руке бутылку, он с силой пнул дверь и, когда она распахнулась, быстро вошел внутрь.

В квартире было полутемно. С бьющимся сердцем и с напряженными до предела нервами Майкл, готовый к отражению нападения, прошел в комнату мимо кучи коробок. Он позвал Руфуса, несколько раз повторив его имя, но на его зов собака не пришла. Пройдя мимо корзины с гнилыми фруктами и приблизившись к раскрытому окну, он остановился перед кроватью. И тут он увидел искалеченное тело своей собаки, лежащее на куче окровавленного тряпья.

Все четыре лапы пса были отрублены под корень, Одна торчала у него из пасти.

На мгновение Майкл застыл как в столбняке, не в состоянии ни говорить, ни как-либо иначе отреагировать на увиденное. Его сердце, казалось, остановилось и заледенело. Рот открылся, горло как будто стянуто петлей. Зажатая в руке бутылка выпала и, ударившись о прочный деревянный пол, раскололась на множество блестящих осколков.

Отвращение, острое, как бритвенное лезвие, лишило его сил: ноги подгибались, мысли в голове путались. Он опустился на колени перед своей собакой, дотронулся до ее спины и осторожно стал гладить Руфуса по окровавленной желто-коричневой шерсти.

Тело собаки уже начало остывать. Шерсть стала холодной. Медный запах собачьей крови заполнил комнату. Позади Майкла стояла коробка, заполненная полотенцами, простынями, кусками разных тканей и одеждой. Двигаясь словно запрограммированный механизм, он сунул руку в эту коробку, выбрал толстое бледно-голубое полотенце и накрыл им спину Руфуса. С немым ужасом он наблюдал, как цвет полотенца, изменившись, стал малиновым. Он полез в коробку за другим полотенцем и вдруг увидел конверт, прилепленный к покрытой пятнами ржавчины дверце холодильника.

Некоторое время Майкл пристально смотрел на этот конверт. На нем крупными жирными буквами было напечатано его имя. Казалось, что конверт обращается к нему, громко выкрикивая его имя.

Ему снова послышался негромкий смех, доносившийся из коридора, как будто кто-то, но непонятно где, смеялся над ним.

Он накрыл Руфуса еще одним полотенцем, после чего встал и вскрыл конверт. Внутри был листок белой бумаги, на котором было напечатано послание: «Мы вас не застали, поэтому оставили вам пример того, что происходит, когда на наши просьбы не реагируют. Пожалуйста, мистер Райан, скорее расплатитесь, иначе то же произойдет и с вами».

¹² Герои американского комедийного сериала «Все в семье» (All in the Family).

Шок от того, что он увидел свое настоящее имя, напечатанное на листке, буквально парализовал его. Что еще им известно о нем? Насколько далеко они намерены зайти?

Разорвав записку напополам, Майкл набрал номер отца. Ему необходимы были эти деньги, независимо от тех ужасов, которые он получит к ним в придачу. Ожидая, когда на том конце снимут трубку, он вдруг увидел портрет матери, лежащий на полу в нескольких футах от Руфуса. Кто-то полоснул по нему ножом.

– Да?

– Это Майкл. Я передумал. Мне необходима твоя помощь. Только скажи мне, что я должен делать, и я это сделаю.

А способен ли он на то, чтобы совершить убийство?

– С чего это ты передумал?

Усилием воли Майкл заставил себя ответить на этот вопрос.

– Сантьяго проник в мою комнату и зверски убил мою собаку.

– Я очень тебе сочувствую, Майкл.

– Вот в этом я очень сомневаюсь. Скажи мне, наконец, что я должен буду сделать.

Он посмотрел на пропитавшиеся кровью полотенца, которыми была накрыта его собака. У него не было ни малейшего сомнения в том, что если он не исполнит требований отца, то с ним случится ровно то же, что и с Руфосом.

– Я сделаю все, – добавил он.

Включая и убийство? – мелькнуло у него в голове.

– Почему бы тебе завтра утром снова не зайти ко мне в офис? Мы обсудим все подробности.

Майкл ответил, что придет, и повесил трубку.

Он снова опустился на колени перед Руфусом и дрожащей рукой погладил мертвого пса по спине.

– Прости меня, – едва слышно произнес он. – Это моя вина, и мне очень жаль, что так случилось.

Они же сказали, что у него есть три недели на то, чтобы вернуть им деньги. Так почему они это сделали? Зачем понадобилось убивать ни в чем не повинную собаку? Майкл накрыл Руфуса еще одним полотенцем. Потом посмотрел на изорванный в клочья портрет матери. В нем закипела злоба, и она настолько переполняла его, что смирить ее могла только месть. Может быть, этим он поможет и своему отцу.

Да, он сможет совершить убийство.

Глава 12

Лучи солнца, проникающие через неплотно задвинутые венецианские шторы, падали яркими золотыми полосами на лицо Эрика, на кремового цвета простыни, которыми была застелена его кровать с огромным пологом, и на запачканный кровью ремень, лежащий на куче небрежно брошенной одежды возле одной из ножек кровати.

Было позднее субботнее утро.

Он проснулся с головной болью почти в полдень. Пошарив на прикроватном столике в поисках аспирина, он сел на кровать, проглотил три таблетки тайленола¹³ и пошел в ванную, где, попив воды из-под крана, почувствовал некоторое облегчение.

Стоя перед унитазом, Эрик рассматривал себя в укрепленное на стене зеркало, удивляясь, что выглядит намного хуже, чем себя чувствует. Белки опухших глаз были налиты кровью, зрачки до сих пор расширены, спутанные и растрепанные волосы свалились в причудливые каштановые дреды. Его лицо, обычно гладкое и загорелое, сейчас было помятым, с красными полосами от подушки, а щеки украшала неопрятная щетина. Спустив в унитазе воду, Эрик со стоном отошел от зеркала. Несмотря на то что он изрядно выпил, события прошлого вечера все же оставили отпечаток в его памяти. Когда Эрик расстался с Лианой, он спустился в вестибюль и попросил швейцара вызвать ему такси. Прихода машины он дождался на улице под дождем, поскольку там он не рисковал встретить ни Селину, ни Джорджа.

Когда подошел заказанный для него автомобиль, он, насквозь промокший, залез в салон и велел шоферу ехать в Редмановский угол – так они между собой называли квартал, где располагался жилой комплекс, в котором жили многие ответственные сотрудники «Редман Интернэйшнл», включая его самого, Селину и Дайану Крейн. Не желая встречаться ни с кем из них, Эрик прошел прямо в свою квартиру, где сразу же уснул, даже и не вспомнив о побоях, нанесенных Лиане Редман.

Теперь, стоя под горячим душем, Паркер осознал всю ненормальность того, что он сделал с Лианой. Избиение девушки ремнем было более чем серьезной ошибкой. Не пригрози он ей, она наверняка обратилась бы в полицию или к своему отцу, и сейчас, скорее всего, он находился бы не в своей ванной комнате, а в камере.

Интересно, подумал он, как долго она будет хранить молчание? Поверила ли она его угрозе? Когда ее злость возобладает над остальными чувствами – а он знал, что такое наверняка случится, а может, уже и случилось, – рискнет ли она предположить, что он, угрожая ей, попросту блефовал, и пойдет в полицию? Или к Джорджу?

Эрика, вышедшего из-под душа, вдруг как громом поразила мысль о том, что, избив Лиану, он тем самым дал ей повод шантажировать его. Лиана знала, сколько сил он положил на то, чтобы достичь своего нынешнего положения в компании. Она знала, какое значение имеет для него его репутация в компании «Редман Интернэйшнл», да и сама работа в ней.

Если она захочет, она одним махом сможет разрушить все, ради чего он трудился все эти годы.

Натянув синие спортивные штаны и старую выцветшую футболку, Эрик решил, что надо позвонить Селине и объяснить ей все, чему она стала свидетелем прошлым вечером. Если он отложит это на потом, неприятности приобретут более серьезный характер.

Пройдя в гостиную, он набрал номер Селины. Если она расскажет отцу о том, что видела, он был уверен, что Джордж тут же выставит его с работы и все эти годы борьбы за место под солнцем пойдут прахом.

¹³ Торговая марка препарата, содержащего в качестве действующего вещества парацетамол (ацетаминофен).

Слушая гудки, он думал о Лиане. Если он потеряет из-за нее работу, то сделает так, что прошлая ночь покажется ей веселой вечеринкой.

Телефон не отвечал. Эрик положил на место трубку, обулся в стоптанные мокасины и пошел в квартиру к Селине, которая была двумя этажами выше. Там на его звонок тоже никто не ответил. Или ее не было дома, или она просто не подходила к двери.

Вернувшись к себе, он набрал номер консьержа.

– Я собственными глазами видел, как она входила в подъезд в районе одиннадцати часов вечера, мистер Паркер. Нет, из здания она не выходила. В этом я уверен. Хорошего дня и вам, сэр.

Эрик положил трубку. Значит, она у себя. Он хотел воспользоваться своим ключом от ее квартиры, но, хорошенько подумав, решил, что лучше этого не делать. Сейчас она не желает иметь с ним ничего общего. Если он зайдется к ней в квартиру без приглашения, она или выставит его сама, или попросит охранников сделать это. В этом Эрик был абсолютно уверен.

Все кончено. В глубине души он понимал, что его отношения с Селиной закончились. И все по вине Лианы.

Распахнув стеклянные двери, он вышел на террасу, где стоял тонкий аромат только что распустившихся роз, смешанный с легким запахом просыпающегося города. Под ним проходила оживленная Пятая авеню, шумели деревья Центрального парка, солнце золотило своим светом крыши сверкающих лимузинов и громадные вязы.

Когда он был еще мальчиком, его заветной мечтой было иметь квартиру в Нью-Йорке. И пока в один прекрасный день она не сбылась, он вдруг понял, что никогда до этого дня не мог надеяться, что будет жить на Пятой авеню. Возможно, в Вест-Сайде или на Манхэттене, может быть, в какой-нибудь старомодной квартире-студии в Ист-Сайде, но уж никак не на Пятой авеню. И уж никогда, ни за что на свете с видом на Центральный парк.

Он заплатил за этот вид 25 миллионов долларов. Еще за десять миллионов он пригласил самого известного на Манхэттене дизайнера внутренних интерьеров, чтобы как бы невзначай бросить гостям: «Это ар-деко». В то время он был уверен, что такие затраты оправданны. Когда ты руководитель высшего ранга в одной из ведущих мировых многопрофильных компаний – к тому же еще и спишь с дочерью Джорджа Редмана, – ты веришь, что всю жизнь проработаешь на этом месте и проблем с деньгами не будет никогда.

Но теперь, когда его работа оказалась под угрозой, Эрик уже не был в этом уверен.

Причины, по которым она его ненавидела – вернее, ненавидела бы, позволь она себе опуститься до такого, – были перечислены на листках бумаги, прилепленных к дверце холодильника, к письменному столу, к стенам спальни и кабинета. Она понимала, что это не слишком благоразумно, но зато эффективно.

Дайана поместила эти записки-памятки во всех местах, где они были хорошо заметны. Она провела большую часть ночи, составляя их, и теперь, глядя на экран своего компьютера, на котором еще оставался окончательный вариант этого перечня, она терзала себя вопросом, почему же все еще любит этого сукина сына.

Она понимала, что такого быть не должно. Ей было известно, что другие мужчины находят ее привлекательной (да и не сам ли Эрик говорил ей об этом прошлым вечером?), но именно это и не позволяло ей сойти с дистанции и оставить свои попытки. Эрик Паркер не был ей нужен. Она просто хотела его.

Она пристально смотрела на телефон, стоявший на столике перед нею, раздумывая, стоит ли ему звонить, и в конце концов отказалась от этой мысли. Пусть все будет так, как есть, – надо же быть благоразумной.

Но, несмотря на все самоувещевания, она все-таки потянулась к телефону и набрала его номер.

Эрик ответил после третьего звонка.

– Алло?

Он был дома. Она, воспрянув духом, почти открыла рот, чтобы начать разговор, но вдруг что-то заставило ее передумать и положить трубку. Недовольная собой, она пошла на кухню, но не потому, что хотела есть – ей просто необходимо было чем-то себя занять, а кроме еды, ничего не приходило в голову.

Она наполовину опустошила картонную коробку ванильного мороженого, когда в дверь позвонили. Дайана прислушалась, надеясь, что стоявший за дверью неизвестный гость уйдет. Она никого не желала видеть. Единственное, чего она сейчас хотела, так это доесть до конца мороженое, а потом открыть коробку с шоколадом.

Но дверной звонок не умолкал.

Она подошла к двери, помня о том, что вид у нее отнюдь не для приема гостей – синие джинсы и куртка от спортивного костюма, но сейчас ее это не волновало. Кто бы ни стоял там за дверью, пусть видит ее такой, какая она есть.

Она открыла дверь и увидела Эрика Паркера, державшего два бокала в одной руке и бутылку шампанского «Кристалл» в другой. На его лице была та самая плутовская улыбка, покоровившая ее сердце несколько лет назад, но сейчас Дайана ненавидела его за эту улыбку.

– Я пришел, чтобы извиниться, – сказал он. – Прошлым вечером я вел себя как последний дурак и сейчас очень сожалею об этом. – Он ждал ответа, но Дайана стояла молча и недвижно. – Ну ладно, – пожал плечами Эрик с той же самой, хотя и чуть погрустневшей улыбкой. – Что ты скажешь на то, чтобы сейчас выпить у тебя кофе, а потом подняться ко мне и позавтракать? Мы можем все обсудить, и я расскажу тебе о наших отношениях с Селиной. Поговорим о нас с тобой, а потом...

Что-то привлекло его взгляд, и он, повернув голову, посмотрел в зеркало, висевшее справа от Дайаны. К его поверхности была приклеена одна из ее записок-памяток. Эрик прочел несколько первых пунктов... и застыл на четвертом.

– Ты и вправду считаешь, что у меня походка человека, страдающего запорами?

– А что тебя так удивило? Ведь ты весь наполнен дерьмом, разве не так?

В наступившем молчании они смотрели друг на друга, а потом вдруг их обоих разобрал смех. Дайана, отойдя на шаг в сторону, жестом пригласила его войти.

– Я, похоже, впускаю в свой дом вампира, – со вздохом произнесла она.

– Это плохо?

– Ужасно, но у меня в спальне установлена камера видеонаблюдения, так что я спокойна. Садись. Ну и видок у тебя. Сейчас посмотрю, где у меня «Пепто»¹⁴.

¹⁴ Лекарство от расстройства желудка.

Глава 13

В воскресенье Селина решила наконец взять в руки телефон и позвонить родителям, находившимся на вилле в Коннектикуте.

Ожидая ответа, она прошла по гостиной, обойдя сложенные посередине комнаты коробки, и вышла на террасу.

Было раннее утро, и по всему Манхэттену разносился звон церковных колоколов. Подняв голову, она посмотрела на голубое небо, удивилась прохладе ветра и стала наблюдать, как солнце начинает медленно подниматься над городом. Уже несколько часов было светло, как днем, хотя солнце только появлялось над Мидтауном.

Телефон звонил, но на том конце трубку не брали.

– Да когда же вы, наконец, ответите, – вслух посетовала она. – Хоть кто-нибудь снизойдет до того, чтобы взять трубку? Мои нервы и так на пределе.

Линия в конце концов ожила.

– Вилла Редманов.

– Карлос? Это Селина. Мой папочка уже встал?

– Да, мисс Редман.

– А могу я с ним поговорить?

Со времени ее детства родители всегда проводили воскресенье за городом. Одним из лучших ее воспоминаний было то, как в послеобеденное время она вместе с родителями стреляла по тарелочкам.

Джордж ответил ей буквально сразу.

– Где ты была? – с ходу спросил он. – Я со вчерашнего дня пытаюсь до тебя дозвониться.

Ее удивила нервная торопливость его голоса.

– Да я все время была у себя, – ответила она. – Правда, на телефонные звонки я не отвечала. А что, что-нибудь не так?

– Не так? Да, можно сказать, что-то не так. Вернее, все не так. После того как мы расстались, все покатило под откос. Когда ты сможешь быть здесь?

Когда она приехала на коннектикутскую виллу, то нашла Джорджа одного, сидящим в залитой солнцем столовой, попивающим черный кофе и вперившим неподвижный взгляд в лежащий за окном широкий газон.

Селина, сняв солнцезащитные очки, взяла стул и села напротив отца.

– Так в чем проблема?

– Если ты спрашиваешь про наше соглашение с РПК, то оно приказало долго жить. Я обедал с ними вчера, и они отказались от участия в нашей операции. Нам необходимо найти кого-то другого для финансирования этой сделки.

Она не удивилась. Намеченная отцом операция всегда казалась ей неустойчивой.

– Они чем-то мотивировали свой отказ работать с нами?

– Да они выкатили мне целый список причин, – ответил Джордж. – И все они неубедительны.

– А ты не думаешь, что они собираются поглотить эту компанию сами, без нашего участия?

– Это была бы полная глупость с их стороны. РПК знают, что у нас есть опыт в управлении. Знают они и то, что лучше сразу совершить самоубийство, чем выступить нашими соперниками.

– Так-то оно так, – согласилась Селина. – Но ведь им также известно о то, что мы по твоим каналам получаем информацию о действиях американского флота. Они знают, что единственной причиной, по которой мы намерены приобрести «УэстТекс», является наш доступ к информации о делах в Иране. В этом и заключается вся привлекательность этой сделки. Так-то они могли бы сделать предложение и сами. И не забывай, что мы уже обезопасили себя обязательством «Ситибанка» оказать нам помощь с финансированием.

Джордж, казалось, успокоился и задумался.

– Такое могло произойти, – продолжала Селина. – Я не говорю, что именно так оно и будет, но это было возможно, и нам следовало быть к этому готовыми.

– Я знал, что этим все кончится, – сказал Джордж. – Поэтому я и обратился к Теду Фростману из Чейза. Он будет здесь к полудню. Я думаю, что мы втроем могли бы обсудить это во время стрельбы по тарелочкам и посмотреть, удастся ли нам что-либо придумать. Как твое мнение?

После двух прошедших дней Селине меньше всего хотелось участвовать в секретном совещании с Тедом Фростманом, тем более во время стрельбы по тарелочкам. Но она промолчала.

– Ладно, сменим тему, – предложил Джордж, откидываясь на спинку стула. – Ты рано ушла с приема. Мы с твоей матерью ведь не совсем дураки. Что происходит?

Она не ответила.

– Ведь ты же не без причины не подходила к телефону, и сейчас ты не совсем в себе. Полагаю, это связано с Эриком. Вы что, снова поругались?

Селина собиралась рассказать обо всем, но одновременно с этим ей не хотелось углубляться в детали. Джордж относился к Паркеру как к сыну. Она знала, что отец надеется на то, что они пожениятся и что у них будут дети. Знала она и о его надеждах на то, что в один прекрасный день они с Эриком возглавят созданную им компанию.

– На сей раз все гораздо хуже, – ответила она.

Джордж, положив руки на стол, приготовился выслушать дочь. Селина колебалась, но в конце концов решила, что рано или поздно ей придется рассказать все; слова, как бурный поток, потекли с ее губ. Джордж заговорил только, когда она закончила.

– И это все? – спросил он.

– А что, этого не достаточно?

Он посмотрел на нее поверх очков.

– Я не это имел в виду, Селина, – его голос звучал спокойно, но лицо его пылало.

– Я понимаю, – сказала она. – Да, я поняла суть твоего вопроса.

Селина повернулась к окну, рядом с которым стояла, ожидая, что он скажет хоть что-то ей в утешение. Но так и не дождалась. Над ними повисло тяжелое молчание. Глянув на отца, она поразились тем, каким гневом пылали его глаза. Джордж был взбешен, и Селина тут же пожалела о том, что рассказала ему все.

– Зря я тебе это рассказала, – с грустью произнесла она.

– Не зря. Совсем не зря.

– Нет, – возразила Селина. – Это была моя ошибка.

– Где сейчас Эрик?

– Папа...

– Отвечай. Он дома? В своей квартире?

– Я не знаю. Неужто ты и вправду думаешь, что меня волнует то, где он сейчас находится?

– По-моему, после того, как ты посвятила ему столько лет своей жизни, тебя это не может не волновать. – Джордж внимательно посмотрел на нее. – Ты, наверное, все еще его любишь.

– Ты что, шутишь?

– Я абсолютно серьезен.

– Тогда за кого ты меня принимаешь?

– Мое мнение о тебе никоим образом не связано с этим...

– Все связано именно с этим. Я застала Эрика в постели с моей сестрой. Когда ты говоришь, что я все еще люблю его, я невольно чувствую себя дурой. Нет, папочка, я не дура.

Но, даже говоря это, она понимала, что ее отец прав. Она все еще его любила.

– Послушай, – после короткой паузы сказал Джордж. – Я сам разберусь и с Лианой, и с Эриком. Договорились? Я сам ими займусь. Но сейчас я хочу, чтобы ты забыла о том, что это вообще было.

– Забыть о том, что случилось?

– Фростман будет здесь в полдень. Ты должна быть в отличной форме. Если он почувствует во время встречи хоть какую-то неловкость, он не будет уверен в предлагаемой сделке сам и не сможет убедить совет директоров.

Понятно, для него имеет значение только компания «УэстТекс». Селина вместе со стулом отодвинулась от стола.

– Ты просто невообразим, – со вздохом произнесла она и, потянувшись за своими солнцезащитными очками, обошла вокруг стола. – Поговорим позже.

– Какая муха тебя укусила? – спросил Джордж, поднимая на нее глаза.

– Ты серьезно? – вопросом на вопрос ответила она. – Если ты не понимаешь, тогда и говорить не о чем.

Селина вышла из комнаты и пошла по длинному коридору к выходу. Девушка была уверена, что отец идет следом.

– Куда ты? – спросил он.

Она хотела поскорее оказаться подальше от него и потому прибавила шаг.

– Не знаю, – ответила она – В «Бордерс»¹⁵, в отдел книг «Помоги себе сам».

– Ну постой хоть минуту. Прошу тебя.

Но Селина, не останавливаясь, дошла до проезда, ведущего от шоссе к вилле, и только тут остановилась.

– Прости, – обратился к ней отец. – Сам не знаю, о чем я думал.

А у нее в голове разом пронеслись тысячи мыслей.

– А ты знаешь, папа, я ведь звонила тебе сегодня утром, потому что ты – единственный, к кому я могла бы обратиться. Я думала, ты мне сможешь помочь. Я и представить себе не могла, что буду уезжать отсюда в еще более растрепанных, чем до приезда сюда, чувствах. Я наивно полагала, что наши с тобой отношения куда более важны, чем любые дела, касающиеся «УэстТекс».

Сойдя вниз по каменным ступеням, она села в машину. Джордж, стоя в проезде, смотрел вслед красному «Мерседесу», петлявшему по выложенной плитами дороге, ведущей к черным стальным воротам, стоявшим в основании холма.

У него и в мыслях не было причинять ей боль. И раньше, и теперь он был зол на себя. Он услышал, как ее машина остановилась перед воротами, и представил себе, как они распахиваются, открывая перед ней дорогу, на которой для него нет места. Затем до него донесся рев двигателя резко сорвавшейся с места машины.

А куда она все-таки поехала? – подумал он. Он не сможет предъявить ей никаких претензий, если она не вернется ко времени назначенной встречи. Он повернулся назад и, войдя в дом, направился прямо в свой кабинет.

¹⁵ Фирменная сеть крупных книжных магазинов.

На столе в кабинете стояли три телефона. Джордж, взяв трубку одного из них, набрал номер квартиры Эрика в Редмановском жилом комплексе. После нескольких гудков ему неожиданно ответила женщина, которую он не узнал. Она дышала тяжело, как после быстрого бега.

– Слушаю? – сказала она в трубку.

– Простите, – извинился Джордж, – я, похоже, ошибся номером.

– Джордж?

Он на секунду смешался. Этот голос был ему явно знаком. Через мгновение он уже знал, кто с ним говорит.

– Дайана?

– Да, – подтвердила она. – И не ошиблись номером. Я здесь с Эриком. – Она говорила с какой-то странной поспешностью. – Ему потребовались юридические советы для представления его работы, выполненной в рамках проекта «УэстТекс». И я предложила ему свою помощь.

– Надеюсь, что это именно так, – ответил Джордж. – Это же твоя работа. Сделай одолжение, позови Эрика к телефону.

– Конечно.

Он слышал приглушенный звук – чья-то рука прикрыла микрофон на трубке. После торопливого обмена короткими репликами ему ответил Эрик.

– Джордж! – радостно воскликнул он. – Вот это сюрприз.

– Ты уверен? – спросил его Редман. – Тогда позволь мне преподнести тебе еще один. Мне известно, что произошло вчера во время приема. Селина мне все рассказала.

Наступило молчание.

– Я хочу, чтобы к завтрашнему утру твоя задница больше никогда не отсвечивала в компании «Редман Интернэйшнл». Ты уволен. Если ты не уберешься до полудня, я привлеку тебя за несанкционированное проникновение в чужое владение. И не надейся, что на этом я успокоюсь. Тебя ждут тяжелые времена.

Джордж взбежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Спальня Лианы была на втором этаже, рядом с комнатой сестры. Еще оказавшись в коридоре, он заметил, что дверь ее спальни закрыта.

А может, ему это только показалось.

Когда он постучал в дверь, та чуть приоткрылась. Джордж ненадолго прислушался, после чего дважды окликнул по имени дочь и, не услышав ответа, вошел внутрь.

В центре комнаты стояли большие картонные коробки с вещами его дочери. Пустые ящики шкафов так и оставались незадвинутыми. Ее кладовки были пусты. Стены, с которых все было снято, выглядели голыми.

Джордж прошел по комнате, заглядывая во все коробки. Она собиралась в спешке. Коробки были просто набиты ее вещами. Было ясно, что она хотела уйти как можно быстрее.

Да это и неудивительно. Лиана знала, что между ним и Селиной секретов нет, и понимала, что рано или поздно ей придется объяснить свои поступки. Конечно же, она хотела поскорее убраться из дома. Уже в детстве у нее обнаружилась склонность к обманам и уловкам. И вот сейчас Джордж стоял посреди спальни дочери, чувствуя царящую в ней пустоту так же отчетливо, как он чувствовал все эти годы злость и ярость своей младшей дочери. Он решил, что если она захотела жить самостоятельно, то ей придется во всем рассчитывать только на себя. Но не на его деньги.

Спустившись вниз, он встретил Карлоса, их дворецкого, украшавшего цветами вестибюль. Он служил семейству Редманов почти двадцать лет.

– Карлос, как по-твоему, где сейчас может быть Лиана? В спальне ее нет.

Вдруг он подумал, что, возможно, она сидит возле пруда за конюшней – ведь именно туда Лиана ходила, когда ей хотелось побыть одной.

Карлос посмотрел на него удивленными глазами.

– Да она уехала прошлой ночью, мистер Редман, еще до того, как вы с миссис Редман вернулись из Манхэттена. Я думал, вам это известно.

– Нет, – покачал головой Джордж. – Ничего мне не известно. Ты думаешь, она вообще съехала отсюда?

Карлос утвердительно кивнул.

– Она уехала вчера. Я предлагал ей помочь перенести ее сумки в машину, но она отказалась и перенесла все сама. Перед тем как покинуть дом, она сказала мне, что завтра придет за своими остальными вещами. И попросила до этого ничего не трогать в ее комнате.

На прощание Лиана обняла и поцеловала Карлоса, хотя Джорджу он об этом не сообщил. А еще она сказала ему, как много он значил для нее все эти годы, и добавила, что он ей ближе, чем собственный отец.

– А она не сказала, куда она едет?

– Я спросил ее, мистер Редман, но она не сказала.

– Ты точно помнишь это? – спросил Джордж. – Она не упоминала Манхэттен?

Если она упоминала Манхэттен, то поиски ее надо начинать оттуда.

– Простите, мистер Редман. Она его не упоминала.

Джордж вздохнул.

– Дай мне знать, если она приедет домой. И если меня здесь не будет, когда она придет – если, конечно, приедет, – приглядишься к ней повнимательнее, может быть, тебе удастся выяснить, где она живет. Лиана всегда доверяла тебе, а мне очень важно знать, где она.

– Конечно... и еще, мистер Редман.

– Да?

– Это, конечно, не мое дело, но я волнуюсь за мисс Редман. Она была не в себе, когда уезжала отсюда прошлой ночью.

Это уже что-то новое. Все те годы, что Джордж знал Карлоса, он не помнил, чтобы тот хоть раз вмешивался в их семейные дела.

– Как понять «не в себе»?

Карлос немного помолчал, воспоминания о том, какой он видел Лиану, когда она возвращалась с приема, были еще свежи в его голове. Он находился в своей комнате и читал, когда услышал, как хлопнула входная дверь. Движимый любопытством, Карлос набросил на плечи черную куртку, подбитую мехом альпаки, и вышел в вестибюль. Там он обнаружил Лиану, прислонившуюся к двери. Из-за дождя ее одежда была насквозь мокрой. Волосы тоже были мокрыми и обвисшими. Ее лицо...

– Карлос?

Набравшись решимости, Карлос сказал:

– Я обратил внимание на ее лицо, мистер Редман. Оно было распухшим, в кровоподтеках. На ее горле были видны синяки и порезы, глаза были почти не видны, настолько распухло ее лицо, на губах запеклась кровь. Я проверил ее машину, подумав, что она попала в аварию, но с машиной все было нормально. Я думаю, что ее избили.

Глава 14

Лиана вздрогнула и тут же проснулась. Кто-то громко стучал в дверь ее спальни. Оторвав голову от подушки, она поморщилась – резкое движение отозвалось болью в шее, плечах и спине.

Девушка поднялась на постели, с трудом оставаясь в сидячем положении. Каждое движение давалось с трудом, все тело болело. Эрик, пронеслось у нее в голове.

Она снова легла и, повернув голову, попыталась найти взглядом часы, стоявшие на столике возле кровати. Однако красных цифр, показывающих время, она не увидела. Да и самого столика возле кровати не было. Странно, подумала она. И тут же вспомнила все.

Это не ее спальня. Она была в многокомнатном номере отеля «Плаза».

Прошлой ночью, перед тем как уехать из дома, она позвонила в «Плазу» и забронировала один из многокомнатных номеров, которые компания ее отца постоянно снимала для своих гостей и клиентов. Лиана решила, что будет жить здесь до тех пор, пока не подыщет себе квартиру.

Стук в дверь стал еще громче. Превозмогая боль, Лиана снова села на постели и прислушалась. Стучали по двери, ведущей в соседнюю комнату. А из-за двери донесся мужской голос:

– Открой дверь, Лиана. Сейчас же открой.

Она похолодела. Это был отец. Но как он здесь оказался? Она ведь никому не сказала о том, что едет сюда. Как он об этом узнал? Но тут она вспомнила: ночью ее провожал в номер распорядитель отеля, друг ее отца. Он хотя и не сказал ничего по поводу того, как она выглядела, но она заметила тревогу и озабоченность в его взгляде. Лиана взяла с него слово не сообщать отцу, что она здесь. Объяснение с родителями девушка решила отложить до лучших времен и надеялась, что этот человек все-таки будет хранить молчание чуть дольше.

Стук в дверь прекратился, и из соседней комнаты послышались звуки, похожие на звяканье ключей. Она встала, бросила беглый взгляд на свое отражение в закрепленном на стене большом зеркале и отвернулась.

Каждый шаг по комнате вызывал боль в ногах и отдавался в бедрах. Эту боль Лиана терпела. Она решила не демонстрировать отцу то, что сделал с ней Эрик.

Войдя в спальню, Джордж увидел ее спину. Некоторое время они молчали. Редман колебался, не зная с чего начать, а Лиана чувствовала, как он, нахмурившись, осматривает комнату.

– Что происходит? – спросил он. – Что это вообще такое?

Лиана стояла у одного из окон спальни и, глядя в стекло, как в зеркало, видела стоящего позади отца. Его руки бессильно висели вдоль тела. Сейчас они были похожи друг на друга, причем настолько сильно, насколько вообще могут походить друг на друга два разных человека. У обоих были голубые глаза, одинаковые черные волосы, одинаковый упорный темперамент. Сейчас она, как, впрочем, это часто бывало, удивлялась тому, что два настолько похожих друг на друга человека всегда были так далеки друг от друга.

– Ответь же, наконец, – снова обратился к ней Джордж. – Что все это значит?

– Что это значит? – переспросила она. – Это значит то, что я переехала сюда.

– Сделай милость, объясни почему?

– Я уверена, ты уже имел разговор с Селиной. Так что мне нечего рассказывать.

– Допустим, – согласился Джордж. – Твоя сестра утверждает, что ты спала с Эриком.

Она говорит, что ты спланировала все так, что она застала вас в постели. Это правда?

По тону его голоса чувствовалось, что он считает, что рассказ старшей сестры правдив, и это Лиану взбесило. Неужели он отказывает ей даже в том, чтобы засомневаться в словах сестры?

– Я ведь спросил, это правда?

– Нет, это неправда.

– Что из этого?

– И то, и другое.

– Я думаю, тебе стоит объясниться.

Неужели ему и вправду так трудно поверить ей?

– Тут нечего объяснять, – заявила Лиана. – Мы с Эриком ничего не делали. И я ничего Селине не подстраивала.

– Прекрати морочить мне голову, – поморщился Джордж. – Селина видела вас вдвоем в постели. Она говорила с твоим приятелем-охранником. Он признал в тебе ту, которая передала ему сообщение. Теперь тебе ясно?

Лиана в бешенстве повернулась к отцу.

– Мне ничего не ясно, – резко бросила она. – И мне насрать, кого описывал этот охранник. Это была не я.

Посмотрев на удивленное лицо Джорджа, Лиана только сейчас поняла, что она надедала: не помня себя от гнева, она признала, что это сделал Эрик.

На мгновение Джордж опешил и только молча смотрел на дочь. Потемневшие кровоподтеки покрывали почти все лицо, верхняя губа рассечена. Кожа была такой бледной, что загар был практически незаметен.

– Господи боже мой! – в отчаянии произнес Джордж.

Лиана, отвернувшись от него, почувствовала, как ее охватывает злость на саму себя. Ну как она могла быть такой дурой? Что она теперь ему скажет?

– Так это он так тебя разукрасил, отвечай? – спросил Джордж.

Лиана, пройдя мимо него, направилась к открытой двери. Она решила, что ни при каких обстоятельствах ничего не расскажет отцу. Угроза Эрика была еще свежа в ее памяти.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответила она.

– Нет, ты все понимаешь, – отрезал Джордж. Когда она проходила мимо него, он, схватив ее за руку, повернул так, что они оказались лицом к лицу. – Говори же, наконец, правду. Это сделал Эрик, так или нет?

– Ты делаешь мне больно, – сказала она, пытаясь освободить зажатую им руку. – Ты тоже собираешься меня избить?

Джордж ослабил пальцы, сжимавшие ее руку.

– Прекрати врать и скажи мне, наконец, правду.

– Так по-твоему, я еще и лгунья? Убери свою долбаную руку.

Джордж как будто не слышал ее.

– Почему ты покрываешь этого сукина сына? Говори, что случилось. Что он с тобой делал?

Лиана вырвала у него руку и отошла назад.

– Он ничего мне не сделал. Ясно? Ничего. А теперь оставь меня в покое.

– Только после того, как ты расскажешь мне, что произошло.

Она смирила его скептически-недоверчивым взглядом.

– А с чего это так тебя волнует? Я же всегда была тебе безразлична. Ты ведь даже не любишь меня. И никогда не любил.

– Ну вот, ты снова об этом.

– Это же правда, – вспыхнула девушка. – И да, я снова об этом. Ведь ничего для тебя не изменится, если ты услышишь правду.

– Твою правду.

– Да какая тебе разница, – поморщилась Лиана. – Правду ведь говорит только Селина, и ты это знаешь. Но дело, папочка, в следующем: больше этого не будет. Проваливай ко всем чертям из моей жизни. Тебе в ней нет места. Ты меня достал.

Лицо Джорджа побагровело.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать?

– Я такая, какой ты меня вырастил.

– Да ты что! – закричал отец. – Дай бог каждому иметь то, что ты, Лиана, имела. Прекрасный дом, самую лучшую одежду, престижные школы. У тебя было все самое лучшее из того, что можно купить за деньги.

– Ты и твои долбаные деньги, – отмахнулась она. – У тебя на уме только это? А мне на это насрать. А ведь мне всегда был нужен только ты, а не этот проклятый дом, шмотки или школы. Без всего этого я могла обойтись. Все, что мне было нужно, – это твое внимание. Ну хотя бы какой-то знак того, что я тебе не безразлична. Но ведь ты никогда этого не делал, ты даже не задумывался над этим. Ты всегда был занят только своим бизнесом. И своими деньгами. И Селиной. Еще бы, ведь она столько сделала для тебя.

Джордж посмотрел в лицо дочери. Он чувствовал злость и боль, свою вину и печаль – и это было потому, что Лиана говорила правду. Он так и не стал для нее хорошим отцом. Просто хорошим кормильцем и поставщиком вещей и услуг – только и всего.

Он прошел в соседнюю комнату. Сейчас им ни о чем не договориться. Сама атмосфера была грязной.

– Я ухожу, – сказал он.

Лиана проводила отца до двери.

– Хорошо.

– Ты рано радуешься, – язвительно произнес Джордж. – Ты тоже уходишь.

Он распахнул дверь, и Лиана увидела двух одетых в форму коридорных, дожидавшихся в зале. При взгляде на их смущенные лица она поняла, что они слышали практически весь их спор.

– Ее багаж в спальне, – сообщил им Джордж.

Он, отступив, пропустил их в комнату и посмотрел на дочь. Девушка стояла, повернувшись спиной к окну, сложив руки на груди и чуть приподняв голову. Она не обратила внимания на коридорных, вошедших в комнату. Она внимательно смотрела на отца.

– У тебя есть два варианта, – сказал он. – Либо твой багаж погрузят в мою машину, и ты поедешь вслед за мной домой – туда, где ты должна жить, – либо ты отдаешь мне ключи от твоей машины, а портье ключи от этого номера, твой багаж вынесут в вестибюль. Здесь ты не останешься. Если ты, Лиана, хочешь жить самостоятельно, то ты вправе это сделать, но без моей помощи. Так что решай сама.

Ни секунды не колеблясь, Лиана подошла к столу и взяла свою сумку. Вынув из нее ключи от машины и ключ от номера, она швырнула их отцу. С каменным лицом смотрела она на то, как он поднимал их с пола.

– Ты делаешь ошибку, – сказал Джордж и сунул ключи в карман.

– Это только по-твоему.

– Нет, это неоспоримый факт, – он кивком головы указал на ее сумку. – Верни мне свои кредитные карты. Все до одной.

Лиана сделала то, что он велел, чувствуя непонятное облегчение и свободу, доставая из кошелька и передавая ему кредитки. Затем девушка выгребла из кошелька всю наличность и швырнула деньги к его ногам. Джордж и представить себе не мог, что она решится на такое, ведь это же самоубийство. Отлично. Пусть покажет ему и всем остальным, на что способна.

Редман попросил коридорных собрать деньги с пола и оставить их себе.

– Я знаю, у тебя есть счет в банке, – сказал он Лиане. – С ним я ничего не могу сделать. Но мне довелось узнать, что денег там немного и ты на них долго не протянешь. Может быть, тогда, когда у тебя не останется ничего, ты поймешь, кто ты такая, и вернешься домой.

– Хорошо, что у меня есть хоть эти деньги, – ответила девушка. – Боже, как умильно и трогательно ты говоришь. Учти, домой я никогда не вернусь.

Ее последние слова и холодный решительный голос подействовали на Джорджа как удар кулака. Отдает ли она себе отчет в том, что говорит? Ведь его младшая дочь не проработала и дня за всю свою жизнь.

– В тебе говорит злоба.

– А в тебе говорит только твое раздутое «я». Послушай внимательно то, что я сейчас скажу: меня от тебя тошнит. Меня выворачивает от того, что я всегда была для тебя вторым сортом, и от того, что я понимаю это.

– Ладно, посмотрим, – ответил Джордж. Он повернулся к выходившим из номера коридорным. – Присмотрите за тем, что она тут оставила, – бросил он и вышел за дверь, ни разу не обернувшись назад.

– Подождите несколько минут, – попросила Лиана коридорных. – Будьте добры, принесите мои вещи из вестибюля и побудьте несколько минут в холле. Мне нужно переодеться. Надолго я вас не задержу.

Оставшись одна, она села в стоявшее рядом кресло и закрыла глаза. Она чувствовала себя усталой и опустошенной. Отец ушел. После всех этих лет она наконец высказала ему все, что чувствовала. Она наконец показала ему себя. Она будет счастлива, но почему сейчас ей так хочется плакать?

Но она не заплакала. Лиана приняла решение и не отступит назад. Пришло время показать всему миру, что представляет собой дочь Джорджа Редмана. Пришло время показать отцу и матери, на что она способна. Лиана приняла решение добиться успеха – и это решение она выполнит без помощи отца и без помощи его денег. В отличие от Селины.

Войдя в ванную, она намочила расческу и пригладила волосы, надела старые выцветшие джинсы и белую шелковую рубашку, наложила на лицо густой слой тонального крема в попытке скрыть кровоподтеки на щеках и в основании носа. Те, что были вокруг глаз, она спрятала за темными стеклами солнцезащитных очков. А вот что делать с рассеченной губой, она не знала. Рана была небольшой, но сразу бросалась в глаза.

Выйдя в холл к коридорным, она поблагодарила их за терпеливое ожидание, и они, взяв ее сумки, прошли следом за ней к лифту. В вестибюле Лиана попросила мужчин отнести ее багаж в такси, а сама в это время набрала на своем мобильном телефоне номер Гарольда Бейнса. На том приеме в «Редман Интернэйшнл» он упоминал о том, что сможет помочь ей с поисками работы. Сейчас это предложение было как нельзя кстати.

Когда Гарольд ответил, Лиана, рассказав ему обо всем, что случилось, попросила разрешения воспользоваться его спальней для гостей.

– Но только до того времени, пока я найду себе жилье, – заверила его девушка. – Не беспокойся за меня, я в порядке, а все подробности расскажу при встрече. – Лиана коротко вздохнула и проговорила: – И еще, дядя Гарольд, прошу тебя, не рассказывай отцу, что я буду жить у тебя. Пусть он хотя бы раз в жизни побеспокоится обо мне, если, конечно, он на это способен.

Погода была теплой и солнечной, когда она выходила из «Плазы». Бриз шевелил ее волосы и приятно охлаждал лицо. Спустившись по ступенькам и сев в такси, она извинилась перед коридорными за то, что у нее нет денег на чаевые, поблагодарила их за помощь и поехала к Гарольду, не заметив машину Винсента Спокатти, следующую за ее такси.

Глава 15

– Она сейчас у Гарольда Бейнса. Я сам следовал за ней до его дома.

Луис Райан, повернувшись на стуле, наблюдал за Спокатти, идущим по обюссоновскому ковру к его письменному столу. Для человека, зарабатывающего себе на жизнь убийством людей, подумал Луис, он необычайно хорошо одевается и тщательно следит за собой. Да и походка у него была легкая, почти грациозная, несмотря на крупную, плотно сбитую фигуру.

Спокатти шел сорок второй год, и он не был в прошлом ни офицером спецслужб, ни сотрудником ФБР. Однако среди прочего, что Луис о нем знал, было то, что он изучал структуры, против которых ему приходилось работать, и сам нередко применял их тактические приемы. Будучи специалистом по компьютерам, он являлся также и убийцей международного масштаба, которому, благодаря талантам в этих делах, удалось собрать весьма приличное состояние. У Винсента Спокатти были коротко постриженные черные волосы, выступающие скулы и глубокая вертикальная складка на подбородке. В прежние годы он был одним из лучших боксеров в американской армии. Быстрота и легкость, которые он демонстрировал на ринге, принесли ему победы во многих боях. За те семь лет, пока он был агентом по выполнению частных поручений, Спокатти ни разу не попался.

Он был безжалостным исполнителем – вот поэтому-то Луис его и нанял.

– Ты оставил кого-нибудь наблюдать за ней? – спросил Луис.

– Даже двоих, – ответил Спокатти. – Бейнс живет в отдельном доме на углу 81-й улицы и Пятой авеню. Один человек, расположившийся рядом с музеем «Метрополитен», не сводит глаз со входа. Второй из машины на 81-й улице наблюдает за боковым входом и ведет прослушку с помощью направленного микрофона. Этот аппарат, работающий на ультравысокой частоте, улавливает телефонные переговоры. Он подсоединен к цифровому устройству звукозаписи. Девчонка не сможет сказать ни единого слова, которое прошло бы мимо наших ушей.

Луис, удовлетворенный полученным объяснением, одобрительно кивнул.

– А ты уверен, что она будет жить у него? Может, она просто заехала в гости.

– Она будет жить у него, – ответил Спокатти. – Я стоял рядом с ней, когда она позвонила Бейнсу из вестибюля. Она спросила, может ли она воспользоваться его спальней для гостей на то время, пока будет искать для себя жилье. Мне кажется, что у них довольно тесные доверительные отношения.

– Как понимать «тесные» отношения?

– Такие, какие бывают между отцом и дочерью. Она по телефону называла его дядя Гарольд, а на том приеме они довольно долго беседовали.

Луис ненадолго замолчал, обдумывая услышанное. Несколько лет назад он встречался с Бейнсом на обеде, устроенном в честь мэра. Несмотря на то что Бейнс говорил на восьми языках и занимал должность вице-президента по международным делам в одной из крупнейших в мире многопрофильной компании, на том обеде он показался Луису неразговорчивым. Он поддерживал беседу лишь с теми, кто сидел по обе стороны от него – со своими лучшими друзьями, Джорджем и Элизабет Редман.

Вспомнил он и другие случаи, когда ему доводилось видеть Гарольда Бейнса – на церемониях, банкетах и приемах. И всякий раз он держался независимо, и рядом с ним всегда была жена.

– Ты же видел Бейнса на приеме в «Редман Интернэйшнл», – спросил Луис, – что ты о нем думаешь?

Винсент пожал плечами.

– Я заметил его лишь тогда, когда он был с Лианой, но, как мне показалось, ее общество ему очень нравилось. Он даже сделал с ней круг на танцполе. Они смеялись, а после танца выпили.

– И он показался тебе общительным?

– Даже очень. А что?

– Всякий раз, когда мне доводилось видеть Бейнса, он казался мне каким угодно, но только не общительным. Наоборот, он всегда был замкнутым.

– Нет, я видел Гарольда Бейнса совсем другим, – ответил Спокатти. – Возможно, он знал, что на том приеме будет шанс повеселиться.

– Возможно.

– Ты хочешь, чтобы я проверил его?

– Если между ним и Лианой существуют такие отношения, как ты говоришь, то да; это не повредит, – ответил Луис. – Поручи его самому толковому из твоих парней, и пусть он копает глубже.

– Что-нибудь еще?

– Смотря по обстоятельствам. Она и Бейнс сейчас разговаривают?

– Я могу позвонить и выяснить.

Луис кивком указал на стоявший на столе телефон.

– Так позвони.

Спокатти сунул руку в карман куртки и вытащил из него мобильник. Нажав на клавишу, он поднес его к уху. Луис встал и отошел к окну, расположенному за его спиной. Солнце еще не поднялось над небоскребами, отбрасывавшими тень на город. Он посмотрел на часы. Скоро должен прийти Майкл. Он задумался над тем, как отреагирует его сын на то, что он собирается ему предложить.

Винсент выключил телефон.

– Они разговаривают, – сообщил он. – И говорят очень интересные вещи..

– Какие же?

– Я только что узнал, что последствия того, что произошло во время приема, оказались более серьезными, чем я предполагал.

– Ну-ну, продолжай.

– Эрик Паркер избил Лиану ремнем. Ее лицо сплошной кровоподтек.

Луис опешил.

– Он бил ее ремнем?

– Он, так же как и ее сестра, думает, что это Лиана попросила меня передать ей это сообщение. Паркер обвинил Лиану в том, что она его подставила, расстроив его отношения с Селиной. – Спокатти повел плечами. – Он был пьян, потерял контроль над собой и выместил злость на ее лице.

Луис покачал головой.

– Редман, увидев свою дочь в таком состоянии, все-таки вышвырнул ее из «Плазы»? – он рассмеялся. – Ну что он за скот. Он хоть, по крайней мере, спросил, что с ней произошло?

– Он спросил ее не только об этом, – сказал Спокатти. – Редман спросил ее, не дело ли это рук Эрика, но Лиана ничего не сказала. Кажется, Паркер запугал ее, пригрозив, что, если с ним что-нибудь случится, он ее закажет. Он парень не промах. Не запугай он ее, его задница была бы уже на нарах.

– Ну а как Бейнс отреагировал на это?

– Он в бешенстве. Я же говорил тебе, что Лиана для него все равно что дочь. Он хочет, чтобы Паркер получил сполна за все, что он натворил.

– И что, по-твоему, он может предпринять в связи с этим?

– Да ничего, – махнул рукой Винсент. – Бейнс обещал не возникать. А он человек слова.

– Для него это к лучшему, – задумчиво произнес Луис. – Ведь если он влезет в их дела глубже, чем сейчас, то отправится на дно вместе со всеми остальными.

В дверь кабинета постучали. Майкл. Луис разрешил ему войти. Дверь распахнулась, и его сын оказался на пороге кабинета. Он нерешительно остановился, глядя на Спокатти, стоявшего в дальнем углу кабинета, и только потом перевел взгляд на отца. По выражению лица Майкла было видно, что он надеялся на приватный разговор. Луис, глядя на него, думал, как бы он отреагировал, узнав, что его пса убил не кто иной, как Спокатти. Ясно, что особой приязни он бы к нему не почувствовал.

Луис представил их друг другу.

– Майкл, это Винсент Спокатти. Он будет работать с нами.

Спокатти, сделав несколько шагов вперед, пожал руку Майкла.

– Я очень рад нашей встрече, – сказал он. – Я прочел почти все ваши книги. – После этих слов улыбка на его лице превратилась в гримасу. – И очень расстроился, когда узнал, что случилось с вашей собакой. Ваш отец рассказал мне. Это ужасно.

Луис, поймав взгляд Майкла, движением головы указал ему на кресло, стоявшее напротив его письменного стола. Немного погодя он велит Спокатти заткнуть рот.

– Майкл, почему ты не садишься? – спросил он. – Наша беседа продлится недолго.

– На вас это плохо подействовало? – обратился к нему с вопросом Винсент. – Я имею в виду смерть вашей собаки?

Майкл повернулся, намереваясь уйти. Луис бросил на Спокатти пристальный недовольный взгляд и вернул Майкла обратно.

– Пойми, – стараясь придать голосу мягкость, сказал он, – Винсент о тебе беспокоится. У него самого есть собака. Еще раз обещаю тебе, что разговор будет не длинным. Выпьешь кофе?

Майкл с удовольствием выпил бы кофе, но не с этим человеком. Он отрицательно покачал головой и с неохотой сел в кожаное кресло.

Луис повернулся к Спокатти.

– Ну а ты будешь кофе?

– С удовольствием.

– Я, пожалуй, присоединюсь к тебе. – Луис нажал клавишу переговорного устройства. – Джуди, принесите нам два черных кофе.

– Для меня со сливками и с сахаром, – напомнил Спокатти.

– Сегодня обойдешься.

Сидя за письменным столом, Луис смотрел на Джуди, принесшую кофе. Она была в белом накрахмаленном костюме, подчеркивающим стройность фигуры, и с новым бриллиантовым браслетом, который шеф подарил ей сегодня утром. Когда она разливала кофе, Луис уловил едва ощутимый аромат. Этот запах напоминал ему духи, которыми пользовалась Энн.

Когда секретарша вышла, Луис через стол в упор посмотрел на Майкла. Сходство его сына с матерью было разительным. От черных волос и голубых глаз до прямой нижней линии челюсти, все у них было одинаковое.

– Сегодня утром у меня был телефонный разговор с Сантьяго, – сообщил Луис, глядя на Майкла. – Мы достигли определенного соглашения.

Сын выпрямился в кресле.

– И что это за соглашение? И что он вообще сказал?

Луис отвечал медленно, тщательно подбирая слова.

– Среди прочего он заверил меня, что твоя собака дело не его рук.

– И ты этому веришь?

– Нет, – не раздумывая, ответил Луис. – Я уверен, что это сделал именно он. Я также уверен и в том, что ты бы тоже лежал мертвым на полу в своей конуре, если бы не пришел на встречу со мной. Мы все должны быть благодарны судьбе за это.

Озабоченность отца, казалось, не произвела на Майкла никакого впечатления.

– Что это за соглашение?

– Я не давал обещания, что он получит свои деньги – по крайней мере, не сейчас. Сейчас ты живешь во времени, которое тебе дали в долг. И время это, если быть точным, немного меньше трех недель. Но я бы, Майкл, не полагался полностью на его слово. После того, что он сделал с твоей собакой, думаю, что разумнее всего было бы твердо усвоить, что Сантьяго нельзя доверять на слово.

– А ты можешь... если я сделаю все, о чем ты просишь... Ты отдашь ему эти деньги?

– Конечно.

– Что-то я не совсем в этом уверен.

– Вероятно, по той же причине, по которой у меня нет уверенности, что ты выполнишь свою часть нашего дела. Мы ведь так долго жили в разлуке, Майкл. Мы же не знаем друг друга.

– А это один из способов узнать друг друга...

Лицо Луиса исказила злобная гримаса.

– Майкл, я ведь никогда не просил тебя уезжать. Пока не напечатали твой первый роман, я не знал ни где ты живешь, ни как ты живешь... Я вообще не знал, жив ты или нет! Ты не был дома шестнадцать лет, ты изменил имя, а теперь, спустя все эти годы, ты пришел ко мне просить о помощи. Не надейся, что ты получишь ее просто так, не оказав мне соответствующую услугу. Так дело не пойдет.

Разумеется, так дело не пойдет...

– Скажи, чего ты от меня хочешь?

– Ты уже знаешь, чего я жду от тебя в отношении Джорджа Редмана.

Майкл не произнес ни слова.

– Но до того, как это произойдет, ты должен сделать еще кое-что.

– И что же это?

Луис посмотрел прямо в глаза своего сына.

– Я хочу, чтобы ты женился на Лиане Редман.

Глава 16

– Послушай, Лиана, если ты не хочешь жить здесь постоянно, то, ради бога, хотя бы возьми у меня хоть немного денег. Ты никогда не найдешь в этом городе приличной квартиры с теми жалкими грошами, что у тебя есть. Ты же не хочешь поселиться в какой-нибудь дыре?

– Если не будет ничего другого, то придется.

Гарольд Бейнс с усталой гримасой на лице отвернулся от окна, возле которого они стояли. Яркое послеполуденное солнце заливало его седеющие волосы, рубашку и брюки цвета хаки. С усталым вздохом он произнес:

– Твоя вдруг появившаяся гордость смертельно меня утомила. Ты не хочешь чего-нибудь выпить?

– Я не привыкла пить так рано.

– А вот для меня как раз время для этого. Пойду сделаю для поднятия бодрости один из твоих мартини. Уверен, что ты составишь мне компанию.

Лиана подтвердила его предположение и стала наблюдать, как лучший друг ее отца направился к бару, расположенному у противоположной стены библиотеки. Он казался ей похудевшим. На приеме в «Редман Интернэйшнл» Гарольд поначалу выглядел утомленным, но затем стал веселым и энергичным. Она снова пыталась понять, болен он или это утомительные хлопоты, связанные с поглощением «УэстТекс», наложили свой отпечаток. Лиана уже было собралась спросить его об этом напрямую, но, обдумывая, как бы получше сформулировать вопрос, обвела взглядом библиотеку. Эта комната была ее самым любимым местом во всем доме.

Ее огромные, от пола до потолка, окна выходили на музей «Метрополитен», расположенный на противоположной стороне Пятой авеню, запруженной сейчас на всем ее протяжении народом и залитой золотым солнечным светом. Повернув голову, девушка увидела перед собой на столе множество фотографий в серебряных рамках. Кроме групповых снимков всей ее семьи она нашла и два своих – на первом она была снята еще тогда, когда была ребенком, на втором – прошлым летом, она сидела в парижском кафе. Они были в ее любимом городе, вдвоем с Гарольдом, на долгих каникулах.

Рядом с фотографиями стояла статуэтка Дега, купленная Лианой специально для хозяина дома на аукционе в Лондоне. Это была балерина в пятой балетной позиции, со сложенными за спиной руками, голова была повязана розовой ленточкой. За неделю до аукциона Гарольд вскользь заметил, что с удовольствием приобрел бы эту фигурку, потому что она напоминает, как она в детстве занималась балетом. И вот теперь, когда Гарольд расположился напротив нее, Лиана вновь осознала то, как много он для нее значит и что здесь она чувствует себя спокойной и счастливой. Что здесь ее дом, а не в богатом особняке в Коннектикуте.

– Я хочу показать тебя доктору, – сказал Гарольд.

– То же самое я могу предложить тебе.

– Как это понимать?

– Ты плохо выглядишь. Я сказала тебе об этом вечером на приеме.

– Я, помнится, ответил тебе, что у меня все отлично.

– Тогда чем ты объяснишь потерю веса?

– Я начал толстеть, – ответил Гарольд. – Только не говори, что ты этого не заметила.

Пришлось отказаться от всего, кроме мартини и маслин. А потом началась эта суета с «УэстТекс», которая нас всех, что называется, приперла к стенке. У кого сейчас есть время на еду?

Лиана решила, что может поверить его словам и закончить разговор на эту тему.

– Я просто волнуюсь за тебя, – сказала она.

– Я рад, что ты волнуешься обо мне. Но сейчас мой черед волноваться о тебе. Ты сейчас моя главная забота. Я хочу показать тебя доктору.

– У меня нет никаких переломов, просто синяки и кровоподтеки. Через неделю все рассосется.

Бейнс недоверчиво покачал головой.

– Ты что, робот? – спросил он. – Кто-то перекусил провода в твоей голове? Я не могу понять, почему ты так на все это реагируешь. Этот идиот бьет тебя ремнем изо всех сил, а ты, как маленькая мисс Счастье, пытаешься убедить меня в том, что синяки и кровоподтеки пройдут через неделю. Это невероятно. Неужели ты настолько бесчувственна и тебя это совсем не злит?

Вопрос показался Лиане нелепым.

– Он же пытался тебя изнасиловать, – с нажимом произнес Гарольд. – Возможно, он убил бы тебя, если бы ему это удалось.

– Он угрожал, что закажет меня. Будь ты на моем месте, ты хотел бы, чтобы тебе об этом напоминали?

Гарольд махнул рукой.

– Эрик Паркер скорее откусит свои яйца, чем решится на что-то подобное.

– А что, если решится? Тебя там не было, Гарольд, а я видела его лицо. Думаю, это не пустая угроза.

– Дерьмо это все, – повысил голос Бейнс, буквально кипевший от злости. – У этого маленького засранца храбрости с гульки хрен.

– Послушай, – перебила его Лиана. – Ты в течение десяти секунд упомянул яйца, дерьмо и хрен. Ты бы не мог в беседе с дамой говорить о чем-то более пристойном?

Он понимал, что она старается поднять ему настроение, но на Гарольда это не подействовало. Бейнс встал и налил себе еще порцию мартини, хотя он не допил еще и первую.

Лиана посмотрела в окно. Ну почему он не может понять? Она ведь всеми силами пыталась сгладить это происшествие. Она старалась делать то, что, по ее мнению, было правильным. Гарольду следовало бы гордиться ею, а не злиться на нее.

– Эрик получит за то, что он сделал со мной, – сказала она. – Селина проследит за этим. А если она этого не сделает, то это сделаю я в свое время. Но ты дал обещание, и я надеюсь, что ты его выполнишь. Никто, в особенности мой отец, не должен знать, что со мной произошло.

Гарольд снова сел на стул.

– Твой отец – не дурак, Лиана, и он тебя видел. Джордж все уже знает. Но если он спросит меня, знаю ли я что-нибудь, то помни, я дал тебе слово и я буду нем как рыба. – Бейнс сменил тему разговора. – Расскажи-ка мне лучше о своем финансовом положении.

– Для начала это необходимо выяснить, – ответила Лиана. – Завтра утром я пойду к маминому ювелиру на Парк-авеню, чтобы продать те драгоценности, что я храню в банковской ячейке. Этого будет достаточно, – девушка подумала о ее самом ценном ювелирном украшении – ожерелье с бриллиантами и могокскими рубинами – и засмеялась. – Я думаю, что с финансами у меня прекрасно. Только одно ожерелье должно принести мне шестизначную сумму.

Гарольд ничего об этом не знал.

– У тебя есть что-либо еще, что ты можешь продать?

Если есть, то это его несколько успокоит. Мысль о том, что эта девочка будет жить в каком-нибудь небезопасном месте, страшно тревожила его.

– Есть еще кое-какие мои драгоценности, но они находятся в отцовском сейфе.

– А ты знаешь шифр?

– Знаю.

– Тогда я предлагаю тебе взять такси и сегодня во второй половине дня забрать из дома отца все, что сможешь. Эти ювелирные изделия твои, и ты не хочешь иметь неприятную встречу с отцом. Он вернется только вечером, поскольку у него сегодня во второй половине дня назначена встреча с Тедом Фростманом, и, как я думаю, они будут толковать о деле, постреливая по тарелочкам. Так что вы не столкнетесь.

– А мама?

Об этом Гарольд не подумал. В состоянии аффекта Элизабет может повести себя еще более безрассудно, чем Джордж.

– Да, ты права, – согласился Гарольд. – Может быть, есть смысл подождать. Но не откладывай это дело надолго. Может случиться, что Джорджу вдруг придет в голову мысль переложить драгоценности в другой сейф, ведь не один он знает шифр. А этого, Лиана, допускать нельзя.

Позже, после обеда, он, провожая Лиану до дверей, предупредил:

– Не сиди в парке слишком долго. Солнце сейчас палит вовсю. Ты можешь обгореть.

– Я буду загорать, дядя Гарольд.

– Но не при таком пекле, поняла? Нет, все, больше ни слова. Пока ты живешь у меня, я твой отец, и ты будешь делать то, что я велю.

Он подмигнул ей, и они вышли за порог, не замечая, что их сфотографировали из фургона, стоявшего на другой стороне улицы. Сверхчувствительные микрофоны записали их разговор.

– Когда ты вернешься? – спросил Бейнс.

Лиана пожала плечами.

– Часа через два? Я просто хочу немного побыть одна и разобраться с тем, что у меня в голове, – девушка подняла книгу, которую ей дал Гарольд. – А если эта книга действительно так хороша, как ты сказал, то, может, я задержусь подольше.

– Но не слишком, – Бейнс снова полез в карман и сунул Лиане в руку деньги. – Не заводись, – предупредил он. – Потом вернешь мне долг.

Девушка поблагодарила его и поцеловала в лоб. Ей показалось, что его кожа необычайно горяча, хотя в доме работал кондиционер. – Ты можешь держать со мной связь по мобильнику. Со мной все будет хорошо. – Лиана провела по его щеке тыльной стороной ладони. – А ты уверен, что с тобой все в порядке? По-моему, у тебя температура.

Гарольд вздохнул.

– Я в полном порядке.

Лиана не собиралась предаваться чтению ни в парке, ни в каком-либо другом месте. У нее была назначена встреча, и ей надо было быть на условленном месте вовремя.

Человек, с которым она должна была встретиться, мог быть только там.

Когда девушка отошла на достаточное расстояние от особняка Бейнса, чтобы тот не смог наблюдать за ней, она небрежно кинула книгу в соломенную сумку, висевшую на плече, взяла такси и велела водителю отвезти ее в квартал Митпэкинг.

Движение было очень плотным. Казалось, что до 14-й улицы они добирались целую вечность. Лиана, глядя в окно машины, видела роскошные магазины и рестораны, выросшие на тех местах, где прежде стояли жалкие домишки и размещались склады.

Исчезли группы людей – одетых, полураздетых, почти раздетых, – метавшихся в поисках самых выгодных продавцов героина, кока, мета и крэка¹⁶. Вместо них на этом месте стоял косметический салон, где предлагались также и услуги, выполняемые пластическими хирургами. Несколько лет назад, когда она была еще подростком, Лиана часто пробиралась

¹⁶ Кок, мет и крэк – кокаин и сильно действующие синтетические наркотики, получаемые на его основе.

сюда и ходила со своими друзьями в ночной клуб, где любили тусоваться геи. Это был один из лучших периодов в ее жизни – клубы отличались один от другого тем, какая там звучала музыка и какой сексуальной настрой они возбуждали у посетителей. Она ходила сюда и отрывалась с самыми горячими парнями в городе, зная, что они не хотят от нее ничего, кроме как выпендриться на танцполе с забавной девчонкой. Теперь исчезли и почти все бары.

Долбаный Джулиани.

Она расплатилась с таксистом и пошла в конец квартала, где группа причудливо одетых женщин шла ей навстречу, направляясь, по всей вероятности, на обед. На углу улицы был припаркован фургон. Домохозяйка с орущим младенцем изо всех сил старалась не обращать внимания на капризного малыша. Лиана, сделав все то, о чем они заранее договорились, простояла пять минут в ожидании на углу, после чего, взяв другое такси, велела водителю везти ее в назначенное место на А-авеню. Она не была уверена в том, что это необходимо, но знала, что у Марио есть на это причины, а потому смирилась и сделала так, как он велел.

Было уже половина второго, когда она прибыла на согласованное заранее место и оказалась в совсем ином мире, совершенно не похожем на мир Пятой авеню. Лиана вышла из такси, и ее сразу же охватило невольное беспокойство. Воздух здесь казался более тяжелым, чем в центре города. Здесь он был пропитан запахом гниения, исходивший из глубины мусорных баков, выстроившихся вдоль тротуара.

Глядя на играющих на улице детей, девушка старалась представить себе, что приготовила им судьба. Чего они могут достичь, живя с родителями, существующими на пособие и тратящими его на наркотики и алкоголь, а не на еду и одежду?

И вот здесь, прямо перед ней и была та самая причина, по которой Марио просил выбрать для встречи именно это место. Это было сделано для того, чтобы она снова вспомнила о том, что существует другая сторона Манхэттена – та сторона, к которой она всегда поворачивалась спиной, а он не мог простить ей этого.

Память снова вернула ее к тому дню, когда они в последний раз видели друг друга. Это было два года назад, они гуляли по Пятой авеню, и Марио кричал, что все это иллюзия. Эти дорогие магазины, хорошо одетые мужчины и женщины, спешащие мимо них по тротуару, конные экипажи, выстроившиеся вдоль фасада отеля «Плаза».

Эта была не та жизнь, которую знало большинство людей, и, конечно же, к нему вся эта роскошь не имела никакого отношения. Эта жизнь была столь же далека от той жизни, как она сама была далека от реальности.

– Лиана, ты хочешь знать, какова реальная жизнь людей, среди которых я живу? – спросил он. – Реальность состоит в том, что ты гадаешь, где и что ты сможешь съесть в следующем раз. Или из каких средств ты в следующем месяце заплатишь за жилье. Или где твой отец или твоя мать проснутся на следующее утро и зададут твоей несчастной заднице отменную трепку. Они делают это в течение многих лет, и причина для трепки всегда одна и та же – деньги. – Заметив равнодушие, написанное на ее лице, он взял ее за руку. – Давай я лучше покажу тебе то, о чем я говорю.

Они, перейдя Мэдисон-авеню, взяли такси и поехали в сторону окраины, в направлении Гарлема. Лиана без особой охоты согласилась на это. Лиана, глядя в окно, видела, как дорогие бутики уступают место ветхим многоквартирным домам, а вместо людей в дорогих одеждах повсюду снуют бездомные.

Она не могла вспомнить, сколько было времени, когда они оказались в этой северной части города. Когда они миновали 135-ю улицу, Марио попросил водителя свернуть на Пятую авеню.

– Мы здесь выйдем, – сказал он. – Тут ей удобнее.

Когда такси остановилось, Лиана отвернулась от окна.

– Я здесь не выйду.

Марио расплатился с таксистом и открыл дверь, возле которой она сидела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.